

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Электронный сборник научных статей

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2022

ISBN 978-985-22-0435-4

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2022

Об издании – 1, 2

УДК 341
ББК 67.9

Редакционная коллегия:
Г. И. Займист, С. М. Храмов

Рецензенты:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
УО «Белорусский государственный экономический университет»,
кандидат юридических наук, доцент **В. В. Лосев**

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат юридических наук, доцент **Т. А. Горупа**

Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика [Электронный ресурс] : электрон. сб. науч. ст. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Г. И. Займист, С. М. Храмов. – Брест : БрГУ, 2022. – 128 с. – Режим доступа: <http://rep.brsu.by/handle/123456789/7707>.
ISBN 978-985-22-0435-4.

В сборник вошли научные статьи по итогам XII Республиканской научно-практической конференции «Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика» (Брест, 19 ноября 2021 года), отражающие актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты противодействия преступности, прокурорского надзора в системе мер противодействия преступности.

Издание адресуется студентам, магистрантам, аспирантам, научно-педагогическим работникам, а также практикующим юристам.

Разработано в PDF-формате.

**УДК 341
ББК 67.9**

Текстовое научное электронное издание

Системные требования:
тип браузера и версия любые; скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая; дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2022

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 8, Microsoft Office 2013;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор И. В. Антипова, компьютерный набор и верстка И. Г. Лисоцкая;
- дата размещения на сайте: 11.11.2022;
- объем издания: 0,98 Мб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОПОРЯДКА И БОРЬБЕ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Арсенович Е. С. Совершенствование подготовки юридических кадров как условие повышения эффективности правоохранительной деятельности	6
Бильдейко А. А. Социально-философские основания административной ответственности в сфере закупок товаров (работ, услуг)	12
Бублий Е. Н. Незаконная рубка деревьев и кустарников по законодательству Республики Беларусь	20
Бурак Н. И. Предвидение наступления общественно опасных последствий при косвенном умысле	23
Васильева М. С. Динамика и состояние преступности в сфере семейно-бытовых отношений	27
Глинский А. П. Дезертирство и самовольное оставление части или места службы в уголовном законодательстве Республики Беларусь ...	31
Глинский А. П. Нарушение уставных правил взаимоотношений между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности: состав преступления и особенности квалификации.....	35
Гуринович А. В. Криминологическая характеристика иерархии членов организованных преступных структур	39
Ерофеева Е. А. Субъект и субъективная сторона организации незаконной миграции по законодательству Республики Беларусь.....	43
Ковальчук К. Ю. Принудительные меры воспитательного характера как альтернатива уголовному наказанию несовершеннолетних	46
Малец А. Г. Обстоятельства, исключющие преступность деяния, в уголовных законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ.....	50
Новик А. Н. Применение принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним: отдельные аспекты	53
Парчук К. Д. Противодействие экстремизму в Республике Беларусь и его профилактика среди молодежи: отдельные проблемные вопросы	57
Пашкевич И. П. Психологические проблемы возраста несовершеннолетних как субъектов преступлений.....	59
Романюк Е. В. Ответственность за жестокое обращение с животными в Республике Беларусь.....	63

Рыжанков А. Ю. Характеристика психического отношения должностного лица к неисполнению или ненадлежащему исполнению своих обязанностей при совершении служебной халатности	68
Савич А. В. Материальная компенсация морального вреда, причиненного при совершении преступления: проблемные аспекты.....	71
Сандригайло Ю. П. Огнестрельное оружие: понятие, правовое регулирование, основные критерии и элементы, порядок нахождения в собственности	73
Соловьёва А. А. Особенности личности несовершеннолетней преступницы	77
Шакунова М. П. Проблемы квалификации убийства беременной женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности	81
Шахалевич К. В. История развития кинологических служб на территории Беларуси: отдельные аспекты	84
Шостак Д. Т. Реализация прав граждан на необходимую оборону.....	86
Шостак Д. Т. Роль Министерства внутренних дел в борьбе с коррупцией...	90

РАЗДЕЛ 2

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Гальмуков М. А. Криминалистическое исследование запаховых следов ..	95
Заранка И. А. Проведение следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи в уголовном процессе Республики Беларусь	99
Махлянкова М. В. Идентификация личности по радужной оболочке глаза	102
Нестерович А. В. Применение звуко- и видеозаписи при проведении следственных действий в Республике Беларусь: правовые основы	106
Рудая А. О., Ярошко К. А. Криминалистическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника.....	108
Тума А. Г. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о профилактике правонарушений несовершеннолетних	111
Фроликов А. С. Криминалистические подходы к формированию и проверке следственных версий.....	115
Ходоковская А. Е. Особенности тактики допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей	119
Шинкарук Д. А. Персональные данные в сети Интернет как новый объект прокурорского надзора	123
Шклёда Н. Ю. Запрет определенных действий как новая мера пресечения в уголовном процессе	126

РАЗДЕЛ 1
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОПОРЯДКА И БОРЬБЕ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 378.634

Е. С. АРСЕНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. М. Храмов, канд. юрид. наук, доцент

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ
КАДРОВ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современных условиях в Республике Беларусь вопрос поиска новых путей повышения эффективности подготовки юридических кадров для правоохранительной деятельности весьма актуален. Правильный подбор кадров в правоохранительной системе – важная предпосылка успешного решения укрепления белорусского государства. Эффективность всего государственного управления напрямую зависит от власти и администрации, от государственной службы, от выполнения ею служебных задач.

Современный этап развития белорусского общества предъявляет особые, повышенные требования к правоохранительной системе, которые тесно связаны с происходящими в стране политическими и экономическими изменениями. На том или ином этапе развития общества меняются и функции, возлагаемые на правоохранителей. Эффективность функционирования органов внутренних дел, как и всей системы государственного управления, предполагает необходимость четкого понимания глубинной перспективы социальных явлений и процессов, что можно в полной мере отнести к стимулированию служебной деятельности органов внутренних дел, юридическая сущность, виды и условия эффективности которого не всегда и не в полной мере учитываются в процессе принятия управленческих решений.

Подбор кадров – это процесс поиска людей, соответствующих основным требованиям должности. Процесс приема на работу состоит из нескольких этапов:

- составление описания вакантной должности (описание прав и обязанностей, определение необходимых для этой должности качеств);
- сбор информации о кандидатах;
- разработка системы отбора кандидатов (сравнение положительных и отрицательных сторон кандидатов);

- подбор наиболее вероятных кандидатов, их оценка и отбор кандидата;
- назначение кандидата на должность.

Содержание кадровых технологий представляет собой совокупность производимых действий, приемов, операций, которые позволяют получить информацию о возможностях человека (способностях, профессиональных знаниях, умениях, навыках), обеспечить востребованность потенциальных возможностей сотрудников в активной деятельности.

При этом следует иметь в виду, что оценки качеств личности могут быть как первоначальные, текущие, так и перспективные. Иначе говоря, это технологии отбора при назначении на должность, профессионального развития, формирование резерва на выдвижение или сокращение штата.

Обращая внимание на ведущие факторы профессиональной пригодности и соответствующие социально-психологические качества личности будущего кадрового сотрудника, следует при этом иметь в виду основные особенности правоохранительной деятельности. К их числу относятся:

- особый вид государственной службы;
- правовая регламентация (строгая нормативность) профессионального поведения, принимаемых решений;
- экстремальный характер правоохранительной деятельности;
- нестандартный, творческий характер правоохранительной деятельности;
- процессуальная самостоятельность, персональная ответственность.

Учитывая данные особенности, можно сформулировать соответствующие группы требований ко всем претендентам на вакантные должности в правоохранительной сфере.

Общественно-гражданская зрелость предполагает такие качества, как высокий уровень социализации, правосознания и социальной ответственности. Особо выделим честность, гражданское мужество, принципиальность, непримиримость в борьбе с нарушениями правопорядка, обязательность, добросовестность, дисциплинированность, исполнительность, эмоциональную устойчивость, выносливость к длительным воздействующим психофизическим нагрузкам, высокую работоспособность, устойчивость к стрессу, достаточный уровень самоконтроля, творческое мышление, развитое воображение, смелость, решительность, познавательную активность и др.

Вопрос об оценке эффективности системы подготовки юридических кадров возникает при решении различных задач и на разных уровнях. Конкретные методы оценки эффективности часто связывают с уровнем профессионального мастерства профессорско-преподавательского состава, организацией образовательного процесса, системой управления учреждением образования, качественной составляющей абитуриентов и выпускников.

Анализ различных научных точек зрения свидетельствует, что сегодня нет общеприемлемых и наиболее полно отражающих действительную роль образования способов измерения его эффективности. Как представляется, основная сложность связана с невозможностью выявить отдельно – в «чистом виде» – те или иные факторы, влияющие на эффективность юридического образования.

Назначение на должность судьи, прокурора, следователя в органы дознания, а также на должности специалистов других видов юридической деятельности требует наличия юридического образования, а профессионал в данной сфере – ключевая фигура любой правовой деятельности и создаваемых в результате правовых институтов [1, с. 175].

Правоприменение – достаточно сложный процесс. Данная деятельность требует не только хороших знаний законодательства, теории права, судебной практики, но и высоких моральных и нравственных качеств правоприменителя [4, с. 3]. Таким образом, качественная составляющая подготовки юридических кадров для работы в правовой сфере имеет принципиальное значение для правовой системы и в целом для национальной безопасности.

В специальных научных публикациях отмечается, что от эффективности юридического образования зависит эффективность производственной деятельности и научных исследований в юридической сфере [2, с. 416]. Общеизвестно, что основа теоретических юридических знаний закладывается в процессе обучения путем получения юридического образования, формирующего систему знаний о правовой реальности и являющегося источником профессионального правосознания. Специалисты в рассматриваемой области неоднократно обращали внимание на необходимость сохранения фундаментальности, практической направленности и повышения качества юридического образования [3, с. 25–30]. Вопросы совершенствования профессионального юридического образования постоянно находятся в поле зрения ученых, а проблемы качества подготовки юристов являются предметом обсуждения на научных конференциях и семинарах, но четкого представления о национальной модели современного юриста не выработано [4]. Таким образом, отсутствие концептуального видения модели юриста сегодня основная проблема отечественного юридического образования.

Подготовка профессиональных юристов зависит от ряда факторов: от проводимой государством политики в сфере подготовки кадров и действующего законодательства (в Кодексе Республики Беларусь об образовании систематизированы разрозненные нормативные правовые акты в сфере образования). На уровне Министерства образования Республики Беларусь происходят лицензирование и аккредитация специалистов, а также

нормативное обеспечение образовательного процесса. Что касается подготовки конкретных специалистов для различных сфер юридической деятельности, то она осуществляется в учреждениях образования. После получения юридического образования практические навыки формируются непосредственно в ходе профессиональной юридической деятельности.

Как активно и осознанно осуществляемая деятельность, подбор персонала включает в себя реализацию организационных, образовательных, экономических, управленческих мероприятий, направленных на удовлетворение потребностей государственных органов в кадрах определенной области и квалификации. Это система целевых процессов управления персоналом, предназначенная для планирования обучения персонала, обновления и поддержания преемственности для государственных служащих, профессионального развития, а также для повышения качества работы и карьерного роста.

Качеству подготовки кадров в нашей стране уделяется внимание на самом высоком уровне. В целях обеспечения современной подготовки юридических кадров, способных на высоком профессиональном уровне решать задачи государственной правовой политики, Министерством образования Республики Беларусь и Министерством юстиции Республики Беларусь был принят ряд совместных постановлений. Особо следует выделить принятие Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь до 2025 г., которая определила основные направления развития юридического образования с учетом необходимости модернизации подготовки юридических кадров, отвечающих требованиям политического, экономического и социального развития нашей страны.

Важным этапом развития отечественного образования является вхождение нашей страны в Болонский процесс и присоединение к единому Европейскому пространству высшего образования. Одной из целей реформирования образования является построение высокотехнологичной и конкурентоспособной экономики. Как известно, внедрение элементов от Болонской системы позволит повысить мобильность студентов и преподавателей, наполнить двухуровневую систему высшего образования реальными возможностями по профессиональной подготовке, создать условия для конкурентоспособности учреждений образования и увеличить экспорт образовательных услуг. Общественность и ученые на протяжении последних лет активно обсуждают плюсы и минусы Болонского процесса для Республики Беларусь. При этом учреждениям образования, осуществляющим подготовку юристов, важно, что будет привнесено нового в систему юридического образования и будет ли способствовать реализация целей Болонского процесса его позитивной модернизации. Очевидно, что здесь не может быть однозначной оценки, однако некоторые проблемные вопросы можно обозначить уже сегодня.

Заимствование «чужой» модели юридического образования без учета национальных особенностей не даст необходимого результата, следовательно, при реализации целей Болонского процесса автоматического повышения качества отечественного юридического образования не произойдет. Возможно, для государственных органов целесообразно осуществлять подготовку специалистов по юридическим специальностям непрерывно в течение пяти лет с присвоением степени магистра. Это позволит изначально подготовить специалиста на высоком уровне, которому не потребуется в дальнейшем прерывать на достаточно длительный срок свою профессиональную деятельность для продолжения обучения на второй ступени. Имеющийся в России такой опыт заслуживает изучения. В случае необходимости дополнительного обучения специалистов в нашей стране существует сложившаяся система повышения квалификации и переподготовки [5, с. 171–174]. Кроме того, заметим, что в ряде европейских стран срок подготовки юристов достаточно длительный и колеблется от 9 с половиной до 12 с половиной лет [6, с. 93].

В Республике Беларусь юридическое образование представлено системой учреждений образования, осуществляющих подготовку, переподготовку и повышение квалификации (всего 17, 12 из которых имеют государственную форму собственности, а 5 – частную). Подготовка юридических кадров осуществляется по 11 специальностям в рамках соответствующих образовательных стандартов, учебных планов и программ. Наибольшей популярностью у абитуриентов пользуются специальности «Правоведение», «Государственное управление и право», «Экономическое право».

Также хотелось бы предложить усовершенствовать механизм прохождения производственной и преддипломной практики студентов по специальности «Юриспруденция». В связи с тем что поступает много нареканий и замечаний от работодателей по поводу отсутствия у выпускников соответствующих навыков по ведению делопроизводства, составлению процессуальных документов, а также психологической неподготовленности к профессиональной работе, необходимо разработать нормативно-правовую базу по прохождению практики студентов в правоохранительных органах. В данном случае можно прибегнуть к немецкому опыту. Например, в германской образовательной системе практическое образование, во время которого обучающийся проходит стажировку, длится два года. В течение этого времени выпускник бакалавриата после учебы должен пройти обязательную стажировку в ряде учреждений (5 месяцев в суде по гражданским делам, 3 месяца в прокуратуре или суде по уголовным делам, 3 месяца в административных органах, 10 месяцев у адвоката, 3 месяца в избирательных органах). За время стажировки выпускники получают разнообразные практические навыки. Для этого им предоставлены

достаточно широкие права (например, обучающиеся могут присутствовать в совещательной комнате при вынесении судебного решения, что специально регламентировано в законе о судоустройстве). По окончании стажировки выпускники получают удостоверение о прохождении стажировки в каждом из перечисленных выше учреждений. В удостоверениях отмечаются содержание стажировки и достижения стажера. И, главное, государственные экзамены у выпускников принимаются органами юстиции соответствующих земель.

В данном случае предлагается на уровне нормативных актов предусмотреть правовые нормы, которые обязывали бы местные исполнительные и правоохранительные органы активно участвовать в организации прохождения практики выпускниками-юристами. Необходимо также увеличить длительность прохождения практики с указанием конкретных сроков и баз прохождения в соответствующих органах. Таким образом, необходимо выработать механизм, который бы дал возможность качественно организовать прохождение практики с возможностью дальнейшего трудоустройства выпускников, добившихся наилучших успехов.

В целях формирования реального сотрудничества между работодателями и юридическими факультетами вузов предлагается часть некоторых кафедр факультета, например уголовного права, уголовно-процессуального права, гражданского, гражданско-процессуального права и т. п., открыть в самих правоохранительных и судебных органах с тем, чтобы студенты могли иметь возможность доступа на место практики в любое время учебного года. Это поможет студентам приобретать практические навыки, иметь непосредственный доступ к практическим материалам при написании курсовых и дипломных работ. Данная система подготовки кадров эффективно и результативно применяется в системе медицинского образования страны.

Резюмируя изложенное, отметим, что эффективность правоохранительной деятельности зависит от многих факторов, и в частности от эффективной системы подготовки профессиональных юридических кадров, способных принимать оптимальные решения в условиях динамично меняющейся правовой реальности. Для реализации данной задачи необходимо сосредоточить усилия по разработке современной модели юриста с учетом отечественного опыта юридического образования и национальной культуры. Как представляется, теоретической основой такой модели может стать антропологическое направление в праве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров, А. В. Юридическое образование как элемент правовой культуры общества / А. В. Петров, М. К. Горбатова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С. 175–182.

2. Ромашов, Р. А. Право – язык и масштаб свободы : монография / Р. А. Ромашов, Ю. Ю. Ветютнев, Е. Н. Тонков. – СПб. : Алетейя, 2015. – 448 с.

3. Савенок, А. Л. Система практической подготовки юристов: инновационные подходы и содержание / А. Л. Савенок, О. З. Рыбаключева // Инновации в юридическом образовании: содержание, технологии, управление : тез. докл. Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 31 окт. 2008 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; отв. ред. А. Л. Савенок. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2018. – С. 25–30.

4. Калинин, С. А. Проблемы реформирования юридического образования: попытка системного анализа / С. А. Калинин // Юриспруденция XXI века: горизонты развития : очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. – СПб. : С.-Петербур. ун-т МВД России, 2015. – С. 193–212.

5. Савенок, А. Л. Роль дополнительного образования в повышении профессионализма сотрудников органов внутренних дел / А. Л. Савенок, О. З. Рыбаключева // Дополнительное образование: состояние, проблемы, перспективы : тез. докл. Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 27 окт. 2010 г. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 171–174.

6. Жалинский, А. Введение в немецкое право / А. Жалинский, А. Рёрихт. – М. : Спарк, 2015. – 767 с.

К содержанию

УДК 342.92

А. А. БИЛЬДЕЙКО

Брест, прокуратура Брестской области

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Выявление социально-философских оснований ответственности имеет важное значение в условиях XXI в. при усилении роли права как инструмента социального регулирования гражданского общества. Но, как отмечается российскими исследователями, опыт современной быстротечной социальной жизни показывает, что диктат права и ответственности, не обеспечивающий нормальную жизнедеятельность населения, может лишь на время создать эфемерный социальный порядок, который быстро и безвозвратно исчезает под натиском кризисных процессов [1, с. 3]. Из изложенного следует вывод, что установление ответственности (в том числе административной) должно базироваться на научно выверенных основаниях, в противном случае высока вероятность ее неэффективности, невозможности достижения социально полезного результата.

Подобно тому, как право есть субъективное отражение объективно необходимого взаимодействия элементов социальной системы, юридическая ответственность (ответственность как институт права) есть субъективное отражение объективно необходимого взаимодействия элементов социальной системы в сфере защиты условий существования общества [2, с. 25]. В обществах переходного периода роль социальной, и в частности юридической, ответственности только возрастает, что обусловлено усилением социальных противоречий. С помощью института юридической ответственности государство указывает направление правового развития, вытесняя устаревшие общественные отношения, определяя виды неправомерного поведения [3, с. 398].

В научной литературе отмечается, что философские основания ответственности объясняют право государства наказывать правонарушителей, а также возможность и необходимость существования юридической ответственности. Социальные основания ответственности представляют собой предпосылки необходимости установления юридической ответственности и возложения ее на конкретного правонарушителя в обществе [4].

Для исследования социально-философских оснований административной ответственности необходимо знать, что белорусский законодатель понимает под административной ответственностью и какие цели она призвана решать.

Согласно ч. 1 ст. 4.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) [5] административная ответственность выражается в порицании лица, совершившего административное правонарушение, и наложении административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, юридическое лицо, подлежащее административной ответственности. Часть 2 ст. 4.1 КоАП Республики Беларусь гласит: административная ответственность имеет своими целями воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждение совершения новых правонарушений как лицом, его совершившим, так и другими физическими или юридическими лицами.

Рассмотрим сначала философские основания ответственности.

Философский аспект основания ответственности заключается в том, что ее следует возлагать только тогда, когда у субъекта была свобода выбора поведения, т. е. он мог поступить в соответствии с требованиями закона, но игнорировал закон и нарушил юридический запрет [6].

Личность, совершившая поступок, может нести персональную ответственность благодаря свободному проявлению своей индивидуальности, признающей уникальность других субъектов [7, с. 14]. Таким образом, привлечение к ответственности происходит потому, что совокупность

причин, объединенных понятием воли, могла бы привести к другим последствиям [8, с. 51].

Из изложенного можно сделать вывод, что законодательство о закупках товаров (работ, услуг), ответственность за нарушение которых установлена в ст. 12.9, 12.10, 12.27 КоАП Республики Беларусь, должно быть достаточно совершенным, чтобы лица, осуществляющие процедуры закупок (государственные, за счет собственных средств, при строительстве), допускали минимальное количество ошибок в ходе его применения (с учетом того, что диспозиции вышеуказанных статей (частей в них) в большинстве случаев являются бланкетными). При этом законодателю не всегда удается решить данную проблему. Например, украинскими исследователями выделяется целая группа правонарушений в сфере закупок, которых невозможно избежать в силу обстоятельств, которые не зависят от участников процедур закупок [9, с. 37]. Выявление и корректировка именно таких норм, ставящих заказчика в безвыходное положение (например, вынуждающее допустить нарушение порядка проведения процедур закупок, иначе он не сможет соблюсти сроки освоения бюджетных средств либо ему придется останавливать производство), является важнейшей задачей в процессе совершенствования законодательства о закупках. Именно по указанной причине отмечается, что эффективность общеохранительного воздействия законодательства об административных правонарушениях в части нарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности напрямую зависит от эффективности воздействия на экономические отношения мер регулятивных отраслей права [10, с. 191].

Следовательно, с философской точки зрения наличие противоречивых норм в законодательстве (в нашем случае – в сфере закупок) фактически лишает человека свободы воли, так как любое из принятых им решений повлечет административную ответственность.

Нельзя осуществлять деятельность по возложению юридической ответственности, не поняв цели юридической ответственности, не определив идеальных правовых последствий ее реализации [11, с. 466]. Еще в XIX в. А. Шопенгауэр, критикуя взгляды на наказание как на кару, указывал, что закон, т. е. угроза наказанием, имеет своей целью служить противоположным мотивом по отношению к еще не совершившимся преступлениям, т. е. служить дополнительным мотивом, воздействующим на свободу воли каждого человека, на кого закон распространяется [12, с. 42]. Цель юридической ответственности заключается в исправлении образа жизни лица, признанного правонарушителем. При таком направлении усилий всех заинтересованных субъектов преодолевается абстрактность целеполагания, проясняется подбор юридических средств и конечный результат [11, с. 467]. В случае нарушения административно-правового запрета первоначальным

моментом превентивного воздействия становится осуждение виновного. Сам факт отрицательной оценки действий субъекта должен заставить его изменить свое поведение. Следующая за осуждением кара либо лишает виновного возможности совершить новое правонарушение, либо принуждает его избрать иной вариант поведения при возникновении аналогичной ситуации [13, с. 733].

Эффективность угрозы, исходящей от нормативного правового акта, зависит от многих составляющих, и в первую очередь от ценности для индивида свободы, которую он потеряет при реализации в отношении его угрожающей функции закона. Если свобода дорога, то даже малый срок отсидки воспринимается как беда, трагедия, поражение. Если жизнь на воле ничем не примечательна, то возможный срок пребывания в заключении, даже продолжительный, воспринимается как простая перемена обстановки. Коль скоро это так, в законе крайне важно найти оптимальное соотношение обнадеживающей и озабочивающей функций, надежды и заботы индивида, взаимные пропорции которых исторически конкретны, подвижны [14, с. 163].

Именно поиск такого соотношения, т. е. предпосылок необходимости установления юридической ответственности и возложения ее на конкретного правонарушителя, позволяет установить социальные основания такой ответственности.

Практически в любом государстве действуют жесткие механизмы контроля и защиты рационального использования бюджетных средств. При помощи системы госзакупок обеспечивается удовлетворение потребностей всех государственных органов, учреждений и организаций (и посредством этого обеспечивается их бесперебойная деятельность), эта система также является важным элементом государственной политики – при помощи госзакупок можно оказывать влияние на большое количество экономических, политических и социальных процессов в государстве [15, с. 144]. Эффективность механизма государственных закупок повышает доверие к производимым государством расходам за реализацию задач государства. При его транспарентности вся информация о расходовании бюджетных средств доступна для общественности, в результате чего любой заинтересованный субъект может использовать такую информацию и на ее основании выстраивать свое экономическое и социальное поведение. Прозрачность процесса закупок в целом исключает коррупционные и иные риски в данной сфере [16, с. 9–10].

По результатам проведенных процедур государственных закупок за 2020 г. в Республике Беларусь заключено договоров общей стоимостью свыше 6,3 млрд рублей [17], в первом полугодии 2021 г. – на сумму 4,43 млрд рублей [18]. Очевидно, что государство должно тщательно контролировать процесс использования такого объема денежных средств,

иметь эффективные инструменты, позволяющие пресекать любые нарушения на всех стадиях данного процесса. Одним из таких инструментов является административная ответственность.

В Республике Беларусь административная ответственность за нарушения порядка осуществления закупок товаров (работ, услуг) установлена достаточно поздно по сравнению с другими государствами, в том числе постсоветского пространства. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что данная сфера достаточно длительное время детально не регулировалась. Только с 01.12.2006 вступили в силу изменения в подп. 1.1 п. 1 и подп. 2.1 п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 16.01.2002 № 40 «О дополнительных мерах по регулированию экономических отношений» [19], в котором впервые в Республике Беларусь установлена административная ответственность за нарушения порядка осуществления государственных закупок. Затем с 28.08.2013 установлена ответственность за нарушения требований к порядку осуществления закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств, с 04.04.2016 – за нарушения порядка проведения процедур закупок при строительстве. Принятие данных норм также обусловлено появлением нормативных правовых актов, регламентирующих порядок осуществления закупок за счет собственных средств и при строительстве соответственно.

Таким образом, использование государством, государственными (с долей государства) организациями значительного объема денежных средств обусловило необходимость принятия нормативных правовых актов, регламентирующих порядок распоряжения данными средствами (порядка осуществления закупок). После введения такой регламентации возникла необходимость наличия механизмов предупреждения и пресечения нарушений при проведении закупок, в связи с чем в административно-деликтном законодательстве появились нормы, предусматривающие ответственность за нарушения порядка осуществления процедур закупок (государственных, за счет собственных средств, при строительстве).

Кроме установления таких предпосылок, вытекающих из динамики развития общественных отношений, социальное основание юридической ответственности также выражается в определении конкретного круга субъектов, на которых целесообразно возлагать такую ответственность.

Ранее нами подробно проанализированы проблемы определения круга субъектов административной ответственности в сфере закупок товаров (работ, услуг) [20], законодателем определенные выводы данного исследования учтены при разработке нового КоАП Республики Беларусь.

Немаловажное значение при установлении ответственности имеет принцип справедливости. Появление юридических норм, обеспеченных в исполнении мерами государственного принуждения, меняет всю картину

в социальной жизни людей. Если допустить возможность принудительного исполнения несправедливых требований юридических норм, то это может вызвать серьезное общественное недовольство. Соединение требований юридических норм с требованиями других социальных норм (синкретизм правовых норм) необходимо для более точного отражения в законах государства признанных большинством населения базовых принципов обществоведения [21, с. 138].

Применительно к анализируемой сфере наиболее несправедливыми представлялись нормы ранее действующего административно-деликтного закона, когда за нарушения порядка осуществления закупок за счет собственных средств ответственности подлежали любые работники заказчика (организатора), уполномоченные нанимателем на участие в закупочном процессе. При этом при совершении аналогичных нарушений порядка проведения государственных закупок или процедур закупок при строительстве субъектами ответственности были определены только должностные лица и члены комиссии по закупкам. В результате получалось, что при осуществлении вышеуказанных процедур закупок (государственных и при строительстве) руководителем заказчика (организатора) в пределах своей компетенции обязанности, например, по размещению информации о результатах процедуры закупки возлагались на работников, не являющихся должностными лицами. Справедливо ли привлекать руководителя крупной организации, где ежегодно проводятся сотни процедур государственных закупок, за то, что его подчиненным работником, назначенным ответственным за данный участок работы, на несколько дней позже на официальном сайте размещена информация о результатах процедуры закупки? Представляется, что несправедливо. В результате получалось, что нарушение налицо, однако субъектов, подлежащих привлечению к административной ответственности, не имелось. В новом КоАП Республики Беларусь данная проблема решена путем унификации, т. е. единообразного подхода и установления административной ответственности для всех работников заказчика (организатора), участвующих в процессе закупок, в том числе не являющихся должностными лицами.

Конечно же, усиление спроса и ответственности работников заказчика (организатора), членов комиссии по закупкам приводит к тому, что работники изыскивают любую возможность, чтобы не войти в состав комиссии, что ведет к их высокой сменяемости и не идет на пользу дела. Как справедливо отмечается российскими исследователями, зачастую вместо профилактики, предотвращения нарушений во главу угла ставится привлечение к административной ответственности как можно больше лиц — так называемая «палочная система», при которой основным показателем эффективности работы контролера является количество выявленных

нарушений и сумма административных штрафов [22, с. 39]. Из изложенного следует, что важно не только нормативно определить перечень деяний, наказуемых административно-деликтным законом, круг лиц, подлежащих ответственности, но и спрогнозировать, а в дальнейшем и сформировать взвешенную правоприменительную практику.

Таким образом, по результатам исследования социально-философских оснований административной ответственности в сфере закупок товаров (работ, услуг) можно сформулировать следующие **выводы**.

Социальная обусловленность административной ответственности в сфере закупок определяется необходимостью наличия жесткого контроля за рациональным использованием бюджетных средств и средств государственных (с долей государства) организаций.

Ответственность за нарушения законодательства в сфере закупок должна базироваться на непротиворечивых нормах, регламентирующих порядок их осуществления, не ограничивая возможность выбора (т. е. свободу воли) работниками заказчика (организатора) из различных вариантов законного решения, в случае принятия которого возможность наложения на них взысканий исключается.

Установление круга лиц, являющихся субъектами административной ответственности в сфере закупок, должно осуществляться на основании принципа справедливости, единообразия подходов, в противном случае неизбежен отток квалифицированных кадров из организаций, осуществляющих процедуры закупок, что негативно скажется на эффективном использовании бюджетных средств и средств государственных (с долей государства) организаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дик, В. П. Ответственность в системе общественных отношений: взаимосвязь общих и особенных свойств : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / В. П. Дик ; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2013. – 25 с.

2. Бабий, Н. А. Онтология социальной и уголовной ответственности / Н. А. Бабий // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; отв. ред. И. И. Лапцевич [и др.]. – Минск, 2021. – С. 7–34.

3. Сорокин, В. В. Общее учение о государстве и праве переходного периода / В. В. Сорокин. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 423 с.

4. Куликов, Е. А. К вопросу о понятии основания юридической ответственности [Электронный ресурс] / Е. А. Куликов // Юрид. исслед. – 2015. – № 1. – С. 39–46. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13658. – Дата доступа: 16.11.2021.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. Завидов, Б. Д. Общие проблемы и отдельные особенности некоторых положений уголовного права России [Электронный ресурс] / Б. Д. Завидов, А. В. Борбат // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

7. Шепетюк, В. В. Поступок личности в гражданском обществе (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / В. В. Шепетюк ; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск, 2008. – 20 с.

8. Шавеко, Н. А. Правовой идеал: неокантианские и современные кантианские учения о справедливости / Н. А. Шавеко. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 360 с.

9. Черней, А. В. Адміністративна відповідальність під час здійснення державних закупівель : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / А. В. Черней. – Запоріжжя, 2015. – 189 арк.

10. Оценка регулирующего воздействия законодательства в сфере экономической деятельности / Д. В. Шаблинская [и др.] ; под ред. В. К. Ладутько, М. Н. Сатолиной. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 278 с.

11. Сорокин, В. В. Общее учение о духе права / В. В. Сорокин. – М. : Проспект, 2021. – 512 с.

12. Скурко, Е. В. Философия права и правовая жизнь / Е. В. Скурко. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 175 с.

13. Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. – 950 с.

14. Философия права и закона / А. В. Грибакин [и др.] ; под ред. А. В. Грибакина. – М. : Юрайт, 2016. – 287 с.

15. Алева-Герман, Е. А. А. Реализация многофункциональности российской прокуратуры при обеспечении законности в сфере контрактной системы / Е. А. А. Алева-Герман // Роль государственных закупок в развитии экономики Российской Федерации : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 2 апр. 2020 г. / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина ; ред. Т. И. Отческая. – М. : Проспект, 2020. – С. 144–148.

16. Амельчя, Ю. А. Система договоров в сфере государственных закупок / Ю. А. Амельчя. – Минск : Колорград, 2021. – 344 с.

17. Статистические показатели, характеризующие результаты осуществления государственных закупок в количественных и стоимостных данных за 2020 г. [Электронный ресурс] // М-во антимонопол. регулирования

и торговли Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/Статистика/Статистика_2020_госзакупки.pdf. – Дата доступа: 16.11.2021.

18. Статистические показатели, характеризующие результаты осуществления государственных закупок в количественных и стоимостных данных за 1 полугодие 2021 г. [Электронный ресурс] // М-во антимонопол. регулирования и торговли Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/Статистика/2021/Статистика_за_I_полугодие_2021_ГЗ.pdf. – Дата доступа: 16.11.2021.

19. О дополнительных мерах по регулированию экономических отношений [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2002 г., № 40 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

20. Бильдейко, А. А. Проблемы определения круга субъектов административных правонарушений в сфере закупок товаров (работ, услуг) / А. А. Бильдейко // Право.by. – 2020. – № 5. – С. 30–36.

21. Раянов, Ф. М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы / Ф. М. Раянов. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 263 с.

22. Кикавец, В. В. От партнерства до рейдерства: практика государственных и государственно-корпоративных закупок / В. В. Кикавец, К. В. Кузнецов. – М. : Проспект, 2019. – 224 с.

К содержанию

УДК 343.3/.7

Е. Н. БУБЛИЙ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Заранка, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

НЕЗАКОННАЯ РУБКА ДЕРЕВЬЕВ И КУСТАРНИКОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Незаконная рубка деревьев и кустарников в уголовном праве представляет собой преступление против экологической безопасности и природной среды, которое, согласно ч. 1 ст. 277 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), выражается в незаконной рубке или повреждении до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности в природоохранных, рекреационно оздоровительных, защитных лесах либо незаконном уничтожении, удалении, изъятии или повреждении до степени прекращения роста древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда [1].

В. В. Марчук полагает, что «уголовная ответственность за незаконную порубку деревьев и кустарников наступает только в случае причинения ущерба в крупном (ч. 1 ст. 277 УК Республики Беларусь) или особо крупном (ч. 2 ст. 277 УК Республики Беларусь) размере. Необходимо отметить, что между незаконной порубкой деревьев и кустарников и причинением ущерба в крупном или особо крупном размере должна существовать причинная связь.

Как утверждает В. В. Марчук, общественная опасность данного преступления заключается в том, что незаконная порубка деревьев и кустарников может привести к потере или утрате важных функций леса, оказать негативное воздействие на биологические основы существования животного мира [2].

Предметом данного преступления, в свою очередь, являются деревья и кустарники в лесах первой группы либо защитные и озеленительные насаждения, не входящие в лесной фонд.

Следует отметить, что незаконная порубка деревьев и кустарников, по мнению В. В. Марчука, может быть выражена «в следующих альтернативных вариантах преступного поведения:

- 1) незаконной порубке деревьев и кустарников в лесах первой группы;
- 2) повреждении до степени прекращения роста деревьев и кустарников в лесах первой группы;
- 3) порубке не входящих в лесной фонд защитных и озеленительных насаждений;
- 4) повреждении не входящих в лесной фонд защитных и озеленительных насаждений» [2].

Обратим внимание, что Лесной кодекс Республики Беларусь (далее – ЛК Республики Беларусь) регламентирует порядок охраны лесов, включенных в единый государственный лесной фонд, порядок и виды рубок леса в зависимости от их группы, порядок создания и использования древесно-кустарниковой растительности (насаждений), не входящих в государственный лесной фонд [3].

Под незаконной рубкой деревьев и кустарников, согласно ч. 33 ст. 1 ЛК Республики Беларусь, понимается «рубка, изъятие, удаление древесно-кустарниковой растительности без разрешительных документов; рубка не тех пород, на которые выданы лесорубочный билет, ордер; рубка сверх объема, указанного в лесорубочном билете, ордере (с учетом установленного республиканским органом государственного управления по лесному хозяйству допустимого отклонения фактически заготовленного объема древесины от указанного в лесорубочном билете, ордере)» [3].

В соответствии с ч. 1 ст. 39 ЛК Республики Беларусь разрешительными являются документы, дающие право на «краткосрочное пользование

участками леса (лесорубочный билет – на рубки леса; ордер – на рубки леса гражданами объемом не более 50 кубических метров древесины; лесной билет – на заготовку живицы, заготовку второстепенных лесных ресурсов и побочное лесопользование)» [3].

По мнению В. В. Марчука, повреждение до степени прекращения роста деревьев и кустарников представляет собой такое воздействие на дерево или кустарник, растущие в лесах первой группы, которое приводит к необратимому прекращению их роста: смятие, раздробление, уничтожение части дерева или кустарника (ветвей, ствола, корневой системы) и т. д. Прекращение роста дерева или кустарника обычно влечет их гибель.

Необходимо указать, что порубка не входящих в лесной фонд защитных и озеленительных насаждений всегда является незаконной (за исключением санитарных рубок, проводимых в установленном порядке) [2].

Между тем следует отметить, что уголовное законодательство наряду с экологическим не раскрывает понятие незаконной рубки деревьев и кустарников, что является непосредственной проблемой в правильной квалификации незаконных рубок.

Таким образом, в целях конкретного и последовательного применения норм действующих уголовного и экологического законодательств при квалификации преступлений против экологической безопасности и природной среды считаем целесообразным дополнить ст. 4 ч. 19 УК Республики Беларусь, в которой следует продублировать положения ч. 33 ст. 1 ЛК Республики Беларусь относительно понятия «незаконная рубка». Так, предлагаем изложить ч. 19 ст. 4 УК Республики Беларусь в следующей формулировке:

«19. Незаконная рубка деревьев и кустарников представляет собой рубку, изъятие, удаление древесно-кустарниковой растительности без разрешительных документов; рубку не тех пород, на которые выданы лесорубочный билет, ордер; рубку сверх объема, указанного в лесорубочном билете, ордере (с учетом установленного республиканским органом государственного управления по лесному хозяйству допустимого отклонения фактически заготовленного объема древесины от указанного в лесорубочном билете, ордере)».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 13.01.2021. – 2/2805.

2. Марчук, В. В. Незаконная порубка деревьев и кустарников [Электронный ресурс] / В. В. Марчук. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by>. – Дата доступа: 10.11.2021.

3. Лесной кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 дек. 2015 г., № 332-З : принят Палатой представителей 3 дек. 2015 г. : одобр. Советом Респ. 9 дек. 2015 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. № 152-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 28.12.2018. – 2/2590.

К содержанию

УДК 343.2

Н. И. БУРАК

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Научный руководитель – В. В. Хилюта, доктор юрид. наук, доцент

ПРЕДВИДЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИ КОСВЕННОМ УМЫСЛЕ

Вина – это элемент субъективной стороны преступления, заключающийся в личном психическом восприятии своего деяния лицом, совершившим уголовное правонарушение.

Виновность составляют интеллектуальный и волевой моменты, которые определяют классификацию вины на умысел и неосторожность. Н. А. Бабий определяет интеллектуальный и волевой моменты следующим образом: «Интеллектуальный момент заключается в осознании виновным общественно опасного характера совершаемого деяния, в предвидении его общественно опасных последствий либо в отсутствии такого осознания и предвидении при наличии, однако, объективной и субъективной возможности осознания и предвидении характера содеянного.

Волевой момент проявляется в желании виновным наступления общественно опасного результата или в сознательном допущении наступления таких последствий либо в легкомысленном или небрежном отношении к возможности наступления общественно опасных последствий, которых лицо не желает» [1, с. 140].

Интеллектуальный момент – это важный элемент в отправлении правосудия, который нельзя оставлять без рассмотрения. Так, еще древнеримские юристы говорили *actus non facit ream, nisi mens sit rea*, что в переводе на русский означает ‘действие не делает виновным, если не виновен разум’. Ввиду этого можно говорить о том, что отсутствие необходимых элементов интеллектуального момента вины в совершении противоправ-

ного деяния будет означать, что такое деяние не будет виновным, а следовательно, не будет преступным. Соответственно, для соблюдения принципов уголовного права, а именно личной виновной ответственности и справедливости, необходимо дальнейшее развитие теоретической базы такого признака уголовного правонарушения, как виновность.

Исходя из определения, которое дал Н. А. Бабий, интеллектуальный момент состоит из сознания преступности деяния и предвидения наступления его общественно опасных последствий. Понятие данных элементов очевидно из семантики данных слов. Данные элементы очень важны, ведь они влияют на определение вида вины, что в свою очередь влияет на вид и степень уголовной ответственности для лица, совершившего уголовное правонарушение.

Следует разобраться в интеллектуальном моменте, в частности в предвидении наступления общественно опасных последствий уголовного правонарушения, совершенного с косвенным умыслом. Так, белорусский законодатель определил косвенный умысел в ч. 3 ст. 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) следующим образом: «преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия, не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично» [2].

Однако предвидение наступления общественно опасных последствий может проявляться в предвидении как возможности, так и неизбежности данных последствий, ввиду чего существуют различные точки зрения на интеллектуальный момент умышленного уголовного правонарушения, в частности косвенного.

Так, в ст. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации преступление признается совершённым с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично [3].

Российский законодатель исходит из того, что лицо при косвенном умысле может предвидеть лишь возможность наступления общественно опасных последствий, по отношению к которым лицо испытывает безразличие. Предвидение же неизбежности наступления общественно опасных последствий своего деяния при отсутствии желания предотвратить их больше схоже на прямой умысел. Однако такое утверждение является спорным.

Следует привести мнение Э. А. Саркисовой. Так, более глубокий анализ косвенного умысла позволяет сделать вывод, что и его интеллектуальный момент имеет свои особенности по сравнению с прямым умыслом. Эти особенности касаются сферы предвидения общественно опасных последствий. Большинство ученых единодушны в том, что при прямом умысле может иметь место предвидение как неизбежности, так и возможности наступления общественно опасных последствий. При косвенном умысле лицо предвидит только лишь возможность наступления таких последствий, хотя возможность их наступления представляется в сознании лица как реальная возможность, причем возможность не вообще (как абстрактная), а в данном конкретном случае (как конкретная) [4, с. 186].

Так, можно выделить три точки зрения на аспект предвидения наступления общественно опасных последствий преступления с косвенным умыслом.

Первая из них гласит о том, что преступление с косвенным умыслом может быть совершено лицом с предвидением как неизбежности, так и возможности наступления общественно опасных последствий. Обосновывается это тем, что разграничение на прямой и косвенный умысел происходит не только по волевому моменту (желает лицо данных последствий или нет (либо оно безразлично к последствиям)), но и по мотивам и целям. Цель деяния имеет важное значение при квалификации вины лица, совершившего преступное деяние. Например, при совпадении цели и фактических последствий деяния (если не было препятствий) это прямой, но никак не косвенный умысел.

Вторая точка зрения заключается в том, что косвенный умысел может быть с предвидением только возможности наступления общественно опасных последствий. Так, предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий больше схоже либо с прямым умыслом, либо же с отсутствием вины, потому что лицо сознательно своими деяниями допустило неизбежность данных последствий, ввиду чего их предотвращение невозможно. Его нежелание наступления общественно опасных последствий своего деяния никак не совпадает с тем, что оно же своими сознательными (иные бы означали отсутствие вины, что означало бы непроступность деяния) деяниями причиняет общественно опасные последствия либо даже, что еще хуже, относится безразлично к ним.

Третья точка зрения частично совпадает со второй. Так, даже если косвенный умысел невозможен при предвидении неизбежности наступления общественно опасных последствий, то не представляется разумным закрепление данного положения в уголовном законе путем утверждения обратного, что косвенный умысел возможен лишь в случае предвидения возможности наступления общественно опасных последствий. Наиболее

рациональным решением является закрепление утверждения о том, что при косвенном умысле лицо предвидит наступление общественно опасных последствий. Данная точка зрения является универсальной. Во-первых, изменение в теоретическом представлении данного аспекта никак не сможет затронуть вышенаписанное утверждение ввиду универсальности последнего. Во-вторых, увеличение объема уголовного законодательства путем расписывания очевидных положений, которых можно было бы избежать без искажения норм уголовного права, является нерациональным. Такие действия приводят к ненужному и бессмысленному разрастанию норм уголовного права. Ввиду вышеназванных причин можно говорить о том, что третью точку зрения можно назвать рациональной.

Подытоживая, можно сказать, что существуют разные точки зрения на такой аспект, как предвидение наступления общественно опасных последствий при совершении уголовного правонарушения с косвенным умыслом. Первая точка зрения отличается от второй тем, что последняя признает, что при косвенном умысле может быть лишь предвидение возможности наступления общественно опасных последствий. В свою очередь, третья точка зрения может совпадать с предыдущим путем отсутствия законодательного закрепления вида предвидения общественно опасных последствий при косвенном умысле. Данная точка зрения представляется наиболее разумной ввиду ее универсальности.

Соответственно, законодательное закрепление, которое на сегодняшний день существует в Республики Беларусь, о том, что предвидение наступления общественно опасных последствий является признаком преступления с косвенным умыслом, без конкретного упоминания об их (наступления последствий) неизбежности или возможности представляется наиболее рациональным. Однако такое закрепление, хоть оно и универсально, не исключает необходимости в дальнейшем развитии теории уголовного права. Дальнейшее совершенствование научной мысли уголовного права в области такого признака преступления, как виновность, представляется достаточно разумным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 276-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 68-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 01.07.2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

4. Саркисова, Э. А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э. А. Саркисова. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 559 с.

К содержанию

УДК 343.9

М. С. ВАСИЛЬЕВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Заранка, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

ДИНАМИКА И СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Состояние и динамика преступности в семейно-бытовой сфере является своего рода интегральным показателем результативности социальных процессов и изменений в обществе на определенном этапе его развития. В связи сбор и обработка количественных показателей преступности в семейно-бытовой сфере необходима для формирования наиболее эффективного направления работы органов профилактики и предупреждения преступности, усовершенствования уже сформированных программ, а также для построения социальной политики государства в целом.

Однако необходимо отметить, что на сегодняшний день полностью привести данные о состоянии, динамике, удельном весе и других показателях семейно-бытовой преступности невозможно, так как данный показатель не выделяется в публикуемых отчетах для официальной статистики. В Республике Беларусь предпринимаются только первые шаги по выделению деликтов в сфере домашнего насилия.

На сайте МВД Республики Беларусь для всеобщего доступа приведена информация об общем количестве совершенных преступлений в отношении членов семьи, а также количестве совершенных убийств и тяжких телесных повреждений в сфере семейно-бытовых отношений. Согласно данной информации, в 2020 г. было совершено свыше 2,2 тыс. преступлений в отношении членов семьи [1], в 2019-м – 2541, в 2018-м – 2586 [2], а за 2017 г. было зарегистрировано 2264 преступления [3]. Проанализировав статистические данные, можно сделать вывод, что корреляционные кривые массива зарегистрированных преступных посягательств, совер-

шенных в сфере семейно-бытовых отношений, за последние четыре года имеют волнообразный характер. В 2020 г. наблюдалось снижение семейно-бытовых преступлений по сравнению с 2019-м и 2018 г.

Из всего перечня преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, в криминологическом плане преимущественно уделяется внимание наиболее опасным семейно-бытовым преступлениям, т. е. убийствам и умышленным причинениям тяжких телесных повреждений. По данным эмпирических исследований, убийства, совершенные в сфере семейно-бытовых отношений, составляют приблизительно 30–40 % от общего числа зарегистрированных убийств, аналогичные показатели и у преступлений, связанных с умышленным причинением тяжких телесных повреждений. Так, в 2020 г. было зафиксировано 86 убийств и 206 тяжких телесных повреждений, совершенных членами семьи [1]. При этом погибло 111 человек. Для сравнения: в 2017 г. в сфере быта было совершено 87 убийств и 165 тяжких телесных повреждений, что, в свою очередь, свидетельствует об относительной стабильности ежегодных показателей выявленных убийств в сфере семейно-бытовых отношений за последние четыре года и о динамике роста умышленного причинения тяжких телесных повреждений за аналогичный период [4].

При анализе состояния и динамики преступности мы исходим из статистических показателей о преступных деяниях, уже выявленных и зарегистрированных в органах внутренних дел. Но вместе с тем остается упущенной такая характерная черта преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, как высокий уровень латентности. Выходит, что значительная часть противоправных деяний по различным причинам была не зарегистрирована и, следовательно, не вошла в статистические данные. Исходя из данного положения, появилась необходимость найти иной источник информации о семейно-бытовом насилии, а именно об отношении общества к данной проблеме. В результате нами было проведено исследование методом анкетирования среди населения Республики Беларусь. Для проведения исследовательской работы нами был разработан опросник «Насилие в сфере семейно-бытовых отношений».

Выборка составила 301 человек как женского, так и мужского пола в возрасте от 14 до 70 лет. 43,5 % опрошенных граждан заявили, что обладают достаточными юридическими знаниями, 27,2 % затруднились ответить, 29,2 % не обладают знаниями в области юриспруденции. Из них 20,9 % респондентов являются жителями сельской местности, 10 % жителями поселка городского типа, 69,1 % проживают в городе.

Вначале мы поинтересовались у респондентов, бывают ли случаи семейно-бытового насилия (разрешения споров и конфликтов в семье с применением физической силы) в окружении опрошенных граждан

либо же в их собственной семье. Анализ результатов показал, что населению нашей страны известны случаи проявления насилия. В целом 46,5 % респондентов знают о применении физической силы в семьях среди своего окружения, 15 % граждан были свидетелями домашнего рукоприкладства в родительской семье, 7,6 % практикуют или являются объектом насилия в своей собственной, а остальные ничего не слышали о таких случаях из своего окружения.

При анализе результатов анкеты узнали, что 82 % населения считают целесообразным обращаться за помощью при проявлении противоправных посягательств в сфере семейно-бытовых отношений, однако, как выяснилось, 64 % людей, подвергавшихся данным противоправным деяниям, никуда не обращались. Из оставшихся 36 % опрошенных лиц (с разным опытом и знаниями), все же обратившихся за помощью, 44,6 % обращалось к родственникам; 27,7 % – в милицию, прокуратуру; 8,8 % – по телефону доверия; 4 % граждан были вынуждены прибегнуть к услугам социальных служб (кризисных центров); 2,7 % – к адвокатам; один человек (0,7 %) обращался в учреждение образования. Также 2 % опрошенных людей пришлось прибегнуть к услугам психолога (некоторые из них отметили, что в период насилия они никуда не обращались, а спустя некоторое время поняли, что психологическая помощь необходима). 31,8 % составили граждане, считающие, что за помощью ни к кому не стоит обращаться. Таким образом, среди населения преобладает мнение о неформальном решении проблемы семейного насилия – через родственников, друзей или договоренности между супругами. В меньшей степени распространено обращение в милицию и иные инстанции, что не позволяет в полной мере фиксировать все подобные случаи и в конечном итоге значительно затрудняет профилактическую работу с преступностью в семейно-бытовой сфере.

Перечислим основные причины, почему граждане не обращаются в правоохранительные органы с заявлением о совершаемых противоправных деяниях в семейно-бытовой сфере. Как правило, ими являются: неудовлетворенность работой органов внутренних дел и неверие в их помощь; нежелание выставлять ситуацию на всеобщее обозрение и страх дальнейшего осуждения; экономическая и иная зависимость жертвы; правовая безграмотность жертвы; убеждение, что причиненный вред малозначителен; мнение, что это причинит вред ребенку, его дальнейшему благополучию; боязнь мести со стороны агрессора после сообщения в правоохранительные органы, поскольку его не привлекут к ответственности. На сегодняшний день возрастает необходимость устранения данных причин, обуславливающих высокую латентность преступлений в сфере быта.

И, наконец, рассмотрим территориальное распределение уровня семейно-бытовой преступности. В 2020 г. сотрудниками милиции была

отмечена тенденция роста количества обращений по факту домашнего насилия из районных центров, маленьких городов и сельской местности – свыше одной трети всех звонков. Столько же поступало от столичных жителей [5]. Из опрошенных нами жителей городов около 59 % являлись свидетелями либо же лично сталкивались с проявлением насильственных посягательств в семье, среди жителей поселков городского типа и сельской местности – 62 %. Представленные показатели свидетельствуют о том, что на сегодняшний день удельный вес семейно-бытовых преступлений приблизительно одинаковый как в сельской, так и в городской местности.

Анализируя вышеизложенное, мы пришли к выводу, что криминальная ситуация в сфере внутрисемейных отношений в стране достаточно напряженная. Ежегодно в Республике Беларусь регистрируется более 2000 преступлений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений. При этом в настоящее время крайне затруднительно привести данные, которые отражали бы реальное состояние семейно-бытовой преступности. На наш взгляд, это связано, во-первых, с отсутствием отдельно выделенного в официальной статистике рассматриваемого показателя, а во-вторых, с характерным для внутрисемейной преступности высоким уровнем латентности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Круг шире, возможностей больше [Электронный ресурс] / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://mvd.gov.by/ru/news/7799>. – Дата доступа: 02.11.2021.

2. Белорусское телеграфное агентство «БелТА» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/infographica/view/semeynoe-nasilie-20340/>. – Дата доступа: 06.11.2021.

3. Белорусский новостной портал «UDF.BY» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://udf.name/news/society/181799-pochemu-nyneshnih-zakonov-nedostatochno-dlya-borby-s-domashnim-nasiliem.html>. – Дата доступа: 06.11.2021.

4. Результаты исследования распространенности насилия в отношении женщин в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Фонд ООН в области народонаселения в Респ. Беларусь, ГНУ «Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск : Белсэнс, 2019. – 36 с.

5. Главное – не бояться обращаться за помощью! [Электронный ресурс] / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/news/6918>. – Дата доступа: 02.11.2021.

К содержанию

УДК 344.135

А. П. ГЛИНСКИЙ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Заранка, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

ДЕЗЕРТИРСТВО И САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

На протяжении всего своего существования одни государства ведут активную борьбу с другими государствами с целью захвата территории и различных ресурсов. Всевозможные военные конфликты не перестают быть актуальными и сегодня. Именно в таких условиях каждое государство обязано обеспечить свою обороноспособность с целью предотвратить возможные негативные последствия и иные международные конфликты. Для предотвращения таких последствий каждому государству необходима сильная армия. Однако невозможно обеспечить наличие сильной армии, не упорядочив взаимоотношения между военнослужащими и допустив совершение ими различных воинских преступлений. Военно-уголовное законодательство обеспечивает защиту боеспособности и боеготовности Вооруженных Сил и иных воинских формирований Республики Беларусь. Охрана общественных отношений в области военной деятельности государства от различных посягательств способствует урегулированию порядка воинских отношений, а также воспитанию военнослужащих в духе строгого соблюдения Конституции Республики Беларусь, воинских уставов и иных актов военного законодательства, поскольку именно строгое подчинение военнослужащих военному законодательству позволит усилить их способность противостоять неприятелю. В настоящей статье рассматриваются составы преступлений, предусмотренных ст. 445, 446 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), выделяются их объективные и субъективные признаки, определяются актуальные проблемы квалификации и предлагаются предложения по совершенствованию законодательства.

Дезертирством признается самовольное оставление части или места службы с целью вовсе уклониться от воинской службы либо неявка с той же целью на службу при назначении, переводе, из командировки, отпуска или организации здравоохранения.

Объективная сторона дезертирства проявляется в самовольном оставлении части или места службы и неявке. Необходимо отметить, что в отличие от ст. 445 УК Республики Беларусь дезертирство заключается

в желании лица полностью уклониться от несения воинской службы. Однако необходимо отметить и некоторые пробелы данной статьи, где не указывается способ совершения данного преступления. Например, если лицо преследует цель вовсе уклониться от несения воинской службы и при этом реализует свое желание путем подлога документов (предоставляет поддельные документы о рождении ребенка, что впоследствии влечет увольнение данного лица в запас), то мы не можем квалифицировать данное деяние ни по ст. 446 УК Республики Беларусь, ни по ст. 447 УК Республики Беларусь, поскольку они не предусматривают соответствующих действий. Исходя из этого следует говорить о необходимости квалификации деяния по ст. 445 УК Республики Беларусь, даже если под умысел лица подпадает полное уклонение от воинской службы [3, с. 714]. Квалифицированный состав дезертирства по ч. 2 ст. 446 УК Республики Беларусь предусматривает совершение вышеизложенных действий в боевой обстановке или в военное время. Субъективная сторона дезертирства характеризуется умышленной формой вины. Содержание умысла заключается в том, что лицо сознавало, что оставляет часть или место службы или не возвращается на службу при указанных в диспозиции статьи обстоятельствах и желало этого, преследуя конкретную цель. Достаточно большое значение при квалификации деяния необходимо уделять непосредственно цели совершаемого преступления, поскольку в ст. 446 УК Республики Беларусь она является обязательным признаком. Данное преступление совершается с целью полного уклонения от воинской службы. Если у лица была установлена именно таковая цель, то совершенное деяние независимо от сроков не может быть квалифицировано по ст. 445 УК Республики Беларусь. О наличии именно такой цели у виновного могут говорить следующие факты: выезд лица в другое государство, приобретение поддельных документов, удостоверяющих личность, совершение лицом уголовно наказуемого деяния перед оставлением места несения службы, устройство на иную работу на постоянной основе и др.

Самовольным оставлением части или места службы признаются действия военнослужащего срочной военной службы, резервистом при нахождении на занятиях или учебных сборах, военнообязанным, проходящим военные или специальные сборы, из числа рядового и сержантского состава, либо неявка его в срок без уважительных причин при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или организации здравоохранения на установленный срок, либо уклонение от воинской службы на тот же срок путем подлога документов или иного обмана.

Состав самовольного оставления части или места службы признается формальным: преступление признается оконченным с момента совершения указанных в диспозиции статьи деяний с учетом истечения минималь-

ных сроков нахождения за пределами места прохождения службы. Диспозиция ч. 1 ст. 445 УК Республики Беларусь предусматривает следующие альтернативные общественно опасные деяния: самовольное оставление части и неявку из лечебного учреждения, отпуска, командировки, увольнения, а также при назначении и переводе. Уголовная ответственность наступает и за уклонение от воинской службы путем обмана или подлога документов. Исходя из диспозиции данной статьи, следует, что совершение данного преступления возможно как действием, так и бездействием. При этом обязательным признаком по ч. 1 ст. 445 УК Республики Беларусь признается срок более двух, но менее десяти суток. Неявка на срок менее двух суток, в том числе неоднократно, будут признаваться в качестве дисциплинарного проступка. Части 2 и 3 данной статьи предусматривают совершение аналогичных действий, однако при изменении сроков. Согласно ч. 2 это срок, превышающий десять суток, но менее месяца, а по ч. 3 – свыше месяца. Квалифицированный состав ч. 4 содержит квалифицирующий признак – военное время, т. е. для квалификации по ч. 4 необходимо совершение предусмотренных ч. 1–3 деяний в военное время. Необходимо отметить, что самовольным оставлением части признается покидание лицами, перечисленными в диспозиции статьи, ее пределов без позволения соответствующего должностного лица. При этом если таковое разрешение было выдано с нарушением установленного порядка, то нахождение лиц за пределами части будет (не будет) признаваться самовольным, однако в то же время будет являться незаконным. Такие действия начальника признаются должностным правонарушением, за которое он несет ответственность в соответствии с воинскими уставами и иными актами законодательства [2, с. 756–757]. Субъективная сторона самовольного оставления части или места службы заключается в умышленной форме вины. Содержание умысла заключается в том, что лицо сознавало самовольный характер оставления части или места службы, либо неявки без уважительных причин, либо уклонения от несения службы путем подлога документов и желало этого. Также важным при квалификации соответствующих деяний является определение целей лица, его совершившего. Это в первую очередь связано с тем, что если целью будет уклонение лица от несения воинской службы без намерения вернуться в дальнейшем, то данное деяние следует расценивать как дезертирство.

Также довольно большое значение имеет и мотив. Необходимость определения мотива связана в первую очередь с тем, что данное лицо подлежит уголовной ответственности только в случае, если предусмотренная в диспозиции статьи неявка была осуществлена по неуважительной причине. К уважительным причинам законодательство относит: действие непреодолимой силы, заболевание военнослужащего, необходимость

оказания помощи родным вследствие стихийного бедствия или заболевания, если никто другой не мог оказать такую помощь. В данном случае применяется институт крайней необходимости, исключая уголовную ответственность [4, с. 385].

Необходимо отметить и возможность освобождения от уголовной ответственности военнослужащего, совершившего деяния, предусмотренные ч. 1–3 ст. 445 УК Республики Беларусь, впервые, а также вследствие тяжелых жизненных обстоятельств. Довольно частой ранее была практика оставления части военнослужащими по причине различного рода издевательств над ними старшими по званию или должности военнослужащими. Однако необходимо отметить, что если военнослужащий сбежал из части по причине издевательств над ним и не сообщил о данных противоправных действиях сослуживцев в правоохранительные органы и продолжал уклоняться от службы, то он подлежал уголовной ответственности.

Таким образом, для решения описанных выше проблем необходимо внести следующие предложения по совершенствованию законодательства:

- внести в диспозицию ст. 446 УК Республики Беларусь «Дезертирство» в качестве обязательного признака способ совершения преступления;
- решить вопрос конкуренции норм по ч. 4 ст. 445 УК Республики Беларусь и ст. 448 УК Республики Беларусь путем объединения данных составов либо исключения ст. 448 из Уголовного кодекса Республики Беларусь;
- разграничить понятия боевой обстановки и времени боя на законодательном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.09.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учебник / А. И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Тесей, 2001. – 808 с.

3. Уголовное право: курс практических и контролируемых самостоятельных занятий : учеб. пособие / Н. Н. Апальков [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка, В. В. Марчука ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 340 с.

4. Мичулис, Э. Ф. Уголовное право. Особенная часть : учебник / Э. Ф. Мичулис, С. М. Свило, А. Н. Дрозд ; под общ. ред. В. А. Кашевского. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2007. – 412 с.

К содержанию

УДК 344.135

А. П. ГЛИНСКИЙ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Заранка, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

**НАРУШЕНИЕ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ ЛИЦАМИ, НА КОТОРЫХ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ
СТАТУС ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, ПРИ ОТСУТСТВИИ
ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ: СОСТАВ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ**

Актуальность исследования воинских преступлений заключается в том, что на протяжении всей истории становления государственных образований данный процесс сопровождался многочисленными военными конфликтами и войнами, направленными на завоевание территории и иных ресурсов. При этом армия играла ключевую роль в защите государства от всевозможных посягательств. Армия долгое время являлась внутренним регулятором разногласий внутри государства, например применялась для подавления многочисленных вооруженных восстаний, направленных против короны в средние века. Также и в настоящее время армия играет значительную роль в обеспечении суверенности и независимости государства, а также его территории от различного рода военных посягательств. Одним из ярких примеров значимости армии является восстание моряков в Киле, которое практически ознаменовало конец Первой мировой войны и победу союза Антанты. Необходимо отметить, что именно негативные проявления среди военнослужащих, различные конфликты между ними существенно подрывают боеспособность вооруженных сил, что, безусловно, способствует ослаблению последних и неспособности выполнения возложенных на них функций по защите и обеспечению суверенности государства, поэтому институт воинских преступлений продолжает быть весьма актуальным и в настоящее время. В настоящей статье исследуется состав преступления, предусмотренный ст. 443 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) «Нарушение уставных правил взаимоотношений между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности».

Общественная опасность данного преступления заключается не только в причинении вреда здоровью военнослужащего, физическом его унижении, посягательстве на его личные права, но и в том, что подобные деяния подрывают сплоченность и боеготовность воинских подразделе-

ний, нарушают нормальную жизнедеятельность войск, отрицательно сказываются на морально-психологическом состоянии личного состава.

Объективная сторона данного преступления заключается в совершении следующих альтернативных действий:

- насилие, издевательство или жестокое обращение с потерпевшим;
- незаконное лишение свободы;
- использование потерпевшего в личных интересах;
- вымогательство у потерпевшего либо отобрание у него предметов воинского довольствия [3, с. 771–773].

Основной состав данного преступления имеет формальную конструкцию, а именно считается оконченным с момента совершения одного из альтернативных действий, закрепленных в диспозиции статьи. Квалифицированный (ч. 2 ст. 443 УК Республики Беларусь) и особо квалифицированный (ч. 3 ст. 443 УК Республики Беларусь) составы являются материальными, поскольку требуют наступления общественно опасных последствий [1].

Угроза насилия или иные действия, предусмотренные в диспозиции статьи, не признаются уголовно наказуемыми, а являются дисциплинарными проступками. Для более подробного изучения данного состава преступления необходимо полностью изучить каждое из альтернативных действий.

Диспозицией ч. 1 ст. 443 УК Республики Беларусь охватывается любое насилие вплоть до причинения легкого телесного повреждения, причинение менее тяжкого или тяжкого телесного повреждения не охватывается данной частью, а признается иными тяжкими последствиями и квалифицируется по соответствующей части настоящей статьи.

Издевательство представляет собой связанное или не связанное с насилием действие виновного лица, направленное на оказание психического давления, которое выражается в глумлении над личностью, унижающем его честь и достоинство. Примерами таких действий могут являться совершение унижительных действий, понуждение заниматься тяжелыми физическими нагрузками в не предусмотренное уставом время, также любые действия, направленные на развлечение виновного.

Под жестоким обращением следует понимать причинение потерпевшему физических страданий путем насильственного или ненасильственного воздействия, например: лишение воды, пищи, сна, оставление в неблагоприятных условиях (несение специальных видов службы в таковых условиях не признается жестоким обращением).

Незаконное лишение свободы включает ряд альтернативных действий, а именно ограничение личной свободы человека путем водворения его в какое-либо помещение, его связывание или насильственное

удержание. Поскольку данные действия охватываются диспозицией ч. 1 ст. 443 УК Республики Беларусь, то дополнительная квалификация по ст. 183 УК Республики Беларусь не требуется.

Принудительное использование потерпевшего в личных целях предполагает выполнение потерпевшим действий по военной службе за какое-либо другое лицо, например: чистка обмундирования или оружия виновного, заступление за виновного в наряды и др.

Вымогательство и отобрание предметов военного довольствия являются весьма специфическими действиями виновного. Из-за схожести данных действий с общеуголовными преступлениями против собственности необходимо произвести их четкое разграничение. Основное отличие заключается в личности потерпевшего, а также в предмете преступления.

Так, деяния, предусмотренные ст. 443 УК Республики Беларусь, могут быть совершены только в отношении предметов военного довольствия, которые выдаются военнослужащему на период военной службы. В то же время хищение у военнослужащего личного имущества или денежных средств, выдаваемых в качестве военного довольствия, расценивается как преступление против собственности. Если же данное хищение произошло в рамках антиуставных отношений, то данные деяния квалифицируются по совокупности преступлений ст. 443 УК Республики Беларусь и соответствующей статьи главы 24 УК Республики Беларусь «Преступления против собственности» [4, с. 964–967].

Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 443 УК Республики Беларусь) устанавливает уголовную ответственность за совершение деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи повторно, либо по мотивам расовой, национальной, религиозной, политической и идеологической вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы, либо в отношении нескольких лиц, либо группой лиц, либо повлекшее причинение менее тяжкого телесного повреждения. Особо квалифицированный состав (ч. 3 ст. 443 УК Республики Беларусь) предусматривает совершение действий, предусмотренных ч. 1 и 2 настоящей статьи с применением оружия либо повлекших иные тяжкие последствия.

Субъектом данного преступления является физическое, вменяемое, достигшее возраста 18 лет лицо, на которое распространяется статус военнослужащего. Правовое регулирование статуса военнослужащих, а также перечень лиц, попадающих под статус военнослужащих, закреплены в Законе Республики Беларусь «О статусе военнослужащих» в ст. 1–3 [2].

Примером по данной статье является случай, произошедший 3 октября 2017 г. под Борисовом. Около 17:00 3 октября 2017 г. в подвале здания медицинской роты обнаружен труп военнослужащего срочной службы рядового А. А. Коржича, висящий в петле из брючного матерчатого

ремня, прикрепленного свободным концом к металлической арматуре. Было установлено, что наличные средства, телефон, продукты питания, сигареты и деньги (суммы поборов колебались от 20 до 40 рублей) передавались сержантам в пользование, что было в дальнейшем признано вымогательством. Сержант Б. и сержант С., упоминаемые в СМИ, данной войсковой части признаны подозреваемыми по делу, возбужденному по ч. 3 ст. 443 УК Республики Беларусь, однако в дальнейшем действия данных лиц были переквалифицированы на ч. 3 ст. 455 УК Республики Беларусь.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Мотивы данного преступления бывают различными, как служебного характера, так и личными. Примерами личных мотивов является личная неприязнь к сослуживцу, отказ сослуживца подчиняться незаконным требованиям сослуживцев более раннего призыва, отказ следовать сложившимся антиуставным традициям и др. Однако при совершении данного преступления по личным мотивам, которые не затрагивают интересов службы, данное деяние не может быть признано воинским преступлением.

Необходимо отметить, что мотив является также одним из обязательных признаков, необходимых для квалификации преступления по ч. 2 ст. 443 УК Республики Беларусь. Данной частью четко предусмотрены мотивы расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а также по мотивам вражды или розни в отношении отдельной социальной группы. Отношение лица к наступившим последствиям может быть умышленным либо неосторожным, однако данное преступление в целом признается умышленным.

Таким образом, данное преступление обладает повышенной степенью общественной опасности, поскольку существенно подрывает взаимоотношения между военнослужащими, а следовательно, боеспособность армии. Данное преступление требует дальнейшего изучения с целью выделения признаков, отделяющих его от иных общеуголовных и воинских преступлений, в частности от ст. 455 УК Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.09.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021

2. О статусе военнослужащих [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 100-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

4. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учебник / А. И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова – Минск : Тесей, 2001. – 808 с.

К содержанию

УДК 343

А. В. ГУРИНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. М. Храмов, канд. юрид. наук, доцент

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЕРАРХИИ ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ СТРУКТУР

В криминологических исследованиях подразумевается, что структура преступных групп, их организованность, численность, распределение ролей между членами группы, тип управления бывают различными (например, простые и сложные), но они всегда имеют много общего в своем характере [1, с. 67].

Известный ученый И. И. Басецкий, исследуя организованную преступность, отмечал, что в каждой организованной преступной группе есть активные члены и выделяют три уровня структурных звеньев: нижний – исполнительные звенья, средний – организационные и группы безопасности, на верхнем – руководящие звенья [1, с. 43].

Исполнителями обычно выступают представители различных видов преступности (экономической, общеуголовной, теневой экономики, мошенники в сфере бизнеса, вымогатели, воры, убийцы и др.) [3, с. 25]. К руководителям относят лиц, которые осуществляют контроль за порядком внутри организации.

В криминологических исследованиях отмечается, что организационные звенья выполняют такие задачи, как обеспечение реализации решений руководителя сообщества, разрешение споров между отдельными членами организации и входящими группировками, сохранение преступно добытых ценностей, а также организация материальной помощи членам преступного формирования, которые попали в места лишения свободы, и их семьям. Некоторые лица данного звена могут участвовать в некоторых преступных акциях.

В группе обеспечения безопасности ученые выделяют две категории лиц. К первой относят членов объединения, которые обеспечивают конспирацию его деятельности в целом, а также отдельных участников преступной деятельности, лиц, которые осуществляют разведывательную и контрразведывательную деятельность и осуществляют функции подавления социального контроля. Лица второй группы обычно формально не являются членами преступной организации, но часто оказывают полезные услуги. В число таких лиц также могут входить отдельные члены депутатского корпуса, представители отдельных организаций, юристы, журналисты, деятели литературы и искусства [3, с. 35].

Предполагается, что на самом верху пирамиды преступного сообщества находятся его высшие эшелоны власти, которые состоят из лидеров, непосредственно приближенных к ним лиц (например, представители элитарной группы, советники и т. д.). В исследовании криминологов отмечается, что «эти лица решают общие вопросы, вырабатывают стратегию и тактику преступной деятельности и как приумножить преступный капитал» [3, с. 55].

«Представителям руководящего звена преступной организации зачастую характерна высшая преступная авторитетность, которая основана на преступном опыте, а также материальных средствах и личностных качествах. Среди таких лидеров процент ранее судимых очень высокий» [2].

Показателен пример из судебной практики. «Суд М-го района и г. М. признал С. виновным в краже, разбое, в умышленном уничтожении и повреждении имущества, совершенных организованной группой. Суд также признал его руководителем организованной группы и назначил наказание в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 66 УК Республики Беларусь. Давая оценку представленным стороной обвинения доказательствам, суд указал, что они свидетельствуют о совершении С. и руководимой им группой преступлений в составе организованной группы. В приговоре изложены следующие доводы. Группа, руководимая обвиняемым, существовала с 1998 года по 2001 год, совершила за это время 20 краж, 3 разбойных нападения, 4 покушения на кражу, 18 эпизодов уничтожения и повреждения имущества. Все участники группы проживали в одном населенном пункте — г. М. Эти выводы суда доказывают, во-первых, нацеленность объединения преступников на занятие преступной деятельностью; во-вторых, устойчивость этого объединения, что свойственно именно организованной группе. Далее суд указал, что объекты совершения преступлений заранее подбирались и изучались, преступления планировались, роли распределялись, похищенное целенаправленно сбывалось, полученный преступный доход распределялся согласно роли каждого. С., являясь организатором и руководителем преступной группы, определял места совершения преступле-

ний, распределял роли, разрабатывал планы, тактику, способы совершения преступлений, сокрытия и реализации похищенного имущества, непосредственно участвовал в совершении преступлений и сбыте похищенного, контролировал соблюдение мер конспирации для обеспечения существования организованной группы, а также приход и расход денежных средств и вещей, добытых преступным путем. Указания суда на эти обстоятельства убедительно подтверждают, что преступное объединение имело и такой признак организованной группы, как управляемость» [4].

Н. П. Яблоков выделил следующие типы преступных формирований: вдохновители, инициаторы, лидеры-организаторы [5, с. 78]. Лидер-вдохновитель выполняет функции технического советника, юридического консультанта, который предостерегает членов своей группы от опасных шагов. Такой лидер всегда является сильной психологической личностью, которая способна укрепить решительность своих подчиненных [5, с. 78]. Лидер-инициатор является нестабильной личностью, переходный лидер в преступном объединении. Обычно лидер-инициатор становится реальным инициатором для определенного направления организованной преступной деятельности общества [5, с. 79].

Главной фигурой организованной группы является лидер-организатор. Такой человек всегда выступает с последовательно-криминогенным типом личности, характеризуется высокой степенью антиобщественной направленности, всегда сам создает криминальную ситуацию своим поведением или своими действиями [2, с. 65].

И. П. Дикун подчеркивает, что «для рядовых членов организованных групп главным стереотипом выступает беспрекословное подчинение лидеру группы, нормам поведения, которые приняты в преступном мире и разделяются группой, а также четко выраженная престижно-потребительская ориентация. Для лиц, которые выполняют функции охранников, боевиков и т. д., характерна быстрота реакции, а также профессиональное использование оружия и приемов боевой борьбы» [3, с. 60]. К ним относят такую черту характера, как агрессивность, готовность к разрешению конфликтов только путем насилия или запугивания, без колебания применяют жесткие методы воздействия на жертву и систематически применяют насильственные действия, инструментальную агрессию и жестокость [3, с. 60–61].

По мнению Л. Ф. Гулы, «главной чертой характера участников организованных преступных сообществ является жадность, т. е. ориентация на максимальные преступные доходы, а также главной чертой выступает уверенность в безопасности занятия криминальной деятельности, в безнаказанности в этой деятельности» [2].

В подтверждение приведем еще один пример из судебной практики. «Суд М-го района и г. З. признал Б., М., М-ва, С. виновными в совершении

краж. По приговору суда Л-го района г. Б. братья Ш-ки Д. и Р. и Г. признаны виновными в открытом похищении имущества (грабеже), совершенном организованной группой (ч. 4 ст. 206 УК РБ), и разбое, совершенном организованной группой (ч. 3 ст. 207 УК РБ). Их преступные действия выражались в том, что они вырывали сумки у прохожих, в том числе с применением физической силы и насилия. Мотивируя наличие организованной группы, суд указал в приговоре, что в совершении преступлений участвовал один и тот же состав участников, между которыми роли были распределены: Ш-к Д. вырывал сумки у потерпевших, закрывал им рот руками, сбивал с ног, а Г. и Ш-к Р. обеспечивали безопасность выполняемых действий. Группа была управляемой, поскольку В., в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, выбирал жертву и первым осматривал похищенное. На предварительном следствии обвиняемые показывали, что заранее объединились с целью грабежей. Впоследствии они отказались от своих показаний о наличии предварительного сговора. Действия обвиняемых носили согласованный характер, между нападавшими роли были заранее распределены» [4].

Таким образом, в криминологии иерархия членов в организованных преступных группах имеет различные звенья, различают множество преступных лиц, которые наделены конкретной ролью в организованных преступных объединениях. Криминологический анализ данной характеристики позволяет установить, какую именно роль выполняло конкретное лицо в совершении преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басецкий, И. И. Организованная преступность / И. И. Басецкий, Н. А. Легенченко. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 324 с.
2. Гула, Л. Ф. Детерминанты совершения преступлений организованными преступными группами / Л. Ф. Гула // Общество: политика, экономика, право. – 2014. – № 4. – С. 36–38.
3. Дикун, И. П. Криминология : учеб. пособие / И. П. Дикун. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГУИСТ БГУ, 2008. – 312 с.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, совершенных организованными группами, бандами и преступными организациями (по материалам обзора) // Суд. весн. – 2009. – № 1.
5. Яблоков, Н. П. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования : учеб. пособие / Н. П. Яблоков. – М. : Норма : Инфра-М, 2017. – 223 с.

К содержанию

УДК 343.7

Е. А. ЕРОФЕЕВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. И. Займист, канд. филос. наук, доцент

СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Незаконная миграция в современном обществе представляет собой одно из наиболее распространенных негативных проявлений глобализации. Обладая выгодным геополитическим положением, Республика Беларусь вместе с тем претерпевает негативные последствия такого положения, представляя собой привлекательное место для транзита мигрантов с Востока на Запад.

Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции в Республике Беларусь закреплена ст. 371-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). Согласно диспозиции ч. 1 ст. 371 УК Республики Беларусь организация незаконной миграции представляет собой организацию либо руководство или содействие деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, пребыванию на территории Республики Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь или выезду из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства (организация незаконной миграции)» [1].

Диспозиция любого состава преступления характеризует его уголовно-правовую природу и содержит в себе описание элементов состава преступления, куда входят: объект преступления, объективная сторона преступления, субъект преступления и субъективная сторона преступления.

Не умаляя важности таких элементов состава преступления, предусмотренного ст. 371-1 УК Республики Беларусь, как объект и объективная сторона, в настоящей статье мы рассмотрим особенности субъективных признаков данного состава, таких как субъект и субъективная сторона преступления. Значение данных признаков состоит в том, что они характеризуют общественно опасное деяние с внутренней его стороны. Иными словами, они демонстрируют отношение виновного лица к совершаемому им преступному деянию. По общему правилу в науке уголовного права Республики Беларусь под субъектом преступления понимается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности [2, с. 233].

Применительно к рассматриваемому нами составу преступления и на основании диспозиции ч. 1 ст. 371-1 УК Республики Беларусь можно отметить, что субъектом организации незаконной миграции является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Вменяемость физического лица означает то, что оно в момент совершения преступления могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им. Для признания лица субъектом преступления необходимо достижение им возраста уголовной ответственности, для данного состава этот возраст в соответствии со ст. 27 УК Республики Беларусь составляет 16 лет. Диспозиция ч. 1 ст. 371-1 УК Республики Беларусь характеризует общий субъект преступления, т. е. субъект, обладающий общими признаками. Приведем пример из следственной практики: «Фрунзенским (г. Минска) районным отделом Следственного комитета завершено расследование уголовного дела по обвинению 26-летнего гражданина Республики Индии и 52-летнего белоруса в организации незаконной миграции. По версии следствия, мужчины в 2019 году занимались организацией незаконной миграции иностранных граждан транзитом через Республику Беларусь из Республики Индии в страны Европы. С этой целью они неоднократно подбирали граждан Индии, которые не имели виз и миграционных карт Республики Беларусь и стран Шенгенского соглашения, но желали незаконно выехать в страны Европы. За вознаграждение в несколько тысяч долларов США они готовили необходимые для регистрации различных обществ с ограниченной ответственностью документы и организовывали их подачу в регистрирующий орган Республики Беларусь. «Подобранные» иностранцы, согласно уставу, являлись участниками этих обществ. При этом они достоверно знали, что созданными организациями какая-либо деятельность осуществляться не будет. После чего мужчины готовили от имени должностных лиц этих обществ ходатайства о выдаче краткосрочных виз их участникам. Получив документы, иностранные граждане обращались в компетентное учреждение Республики Беларусь, расположенное на территории иностранного государства, и получали индивидуальные въездные визы в Республику Беларусь для осуществления деловой поездки. Таким образом, иностранцы незаконно въезжали и пребывали в нашей стране. В дальнейшем, уже находясь на территории Беларуси, шестеро граждан Индии решили самостоятельно пересечь государственную границу и были задержаны сотрудниками Гродненской погрангруппы в пограничной зоне, за что были привлечены к административной ответственности за нарушение пограничного режима и незаконное пересечение государственной границы. По результатам расследования 26-летнему молодому человеку предъявлено обвинение по 17 фактам организации незаконной миграции, совершенной повторно,

группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 371-1 УК Республики Беларусь)» [3].

Частью 2 ст. 371-1 УК Республики Беларусь предусмотрен специальный субъект преступления, а именно должностное лицо с использованием своих служебных полномочий [1]. Специальный субъект обладает определенными специфическими признаками, которые отличают его от общего субъекта. В данном случае мы видим, что, помимо всех общих признаков субъекта, в ч. 2 субъект также обладает признаком должностного лица.

Субъективная сторона преступления характеризует деяние с внутренней стороны, показывает отношение виновного лица к совершаемому им преступлению. Обязательным признаком субъективной стороны является вина. Вина, согласно ст. 21 УК Республики Беларусь, это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности [1]. Организация незаконной миграции является исключительно умышленным преступлением, которое совершается с прямым умыслом. Совершение организации незаконной миграции с косвенным умыслом либо же по неосторожности исключает квалификацию действий виновного по данной статье.

На практике зачастую виновное лицо отрицает, что совершало действия, предусмотренные ст. 371-1 УК Республики Беларусь с прямым умыслом, т. е. лицо сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления. Преступник, желая избежать уголовной ответственности за содеянное, дает показания и представляет свой умысел как косвенный либо же вовсе отрицает свою вину. В такой ситуации следователю необязательно ставить показания подозреваемого в основу всего, а необходимо искать прямые и косвенные доказательства его виновности, которые идут вразрез с его показаниями, подтверждающими его прямой умысел. Это могут быть, в частности, допрос свидетелей (мигрантов), допрос сотрудников пограничной службы, осмотра камер видеонаблюдения с пограничного пункта, осмотр телефонных соединений абонента, электронных переписок и т. д.

Факультативными признаками субъективной стороны преступления является мотив и цель. Мотив совершения преступления может быть совершенно разнообразный, зачастую же мотив и цель носят корыстный характер. Организация незаконной миграции предполагает определенное денежное вознаграждение для субъекта преступления либо же иные материальные или нематериальные вознаграждения.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что организация незаконной миграции представляет собой умышленное преступление, которое совершается исключительно с прямым

умыслом. Субъект данного преступления в ч. 1 – общий, физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, в ч. 2 – специальный субъект – должностное лицо. В случае если лицо не достигло возраста уголовной ответственности или признано в предусмотренном законодательством Республики Беларусь порядке невменяемым, то оно не может являться субъектом преступления, предусмотренного ст. 371-1 УК Республики Беларусь. Если же лицо совершило данное преступление не с прямым умыслом, в таком случае в деянии лица отсутствует состав преступления, поэтому задачей следователей является качественный сбор доказательств, которые опровергают показания лица, данные с целью избегания ответственности за содеянное преступление.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 2008 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021

2. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.

3. В Минске завершено уголовное дело о незаконной миграции [Электронный ресурс] // Следственный комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-gminsk-ru/view/v-minske-zaversheno-rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-nezakonnoj-migratsii-8820/>. – Дата доступа: 14.11.2021.

К содержанию

УДК 343.8

К. Ю. КОВАЛЬЧУК

Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

Научный руководитель – Т. П. Афонченко, канд. юрид. наук, доцент

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КАК АЛЬТЕРНАТИВА УГОЛОВНОМУ НАКАЗАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В целях реализации одного из принципов уголовной ответственности – гуманизма – законодатель в соответствии со ст. 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) устанавливает при постановлении обвинительного приговора возможность

применения к несовершеннолетнему лицу вместо уголовного наказания принудительных мер воспитательного характера.

Принудительные меры воспитательного характера представляют собой альтернативную меру уголовно-правового принуждения, применяемую судом от имени государства к несовершеннолетним, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности или менее тяжкие, когда исправление этих лиц возможно при помощи мер педагогического характера без назначения наказания.

Принудительные меры воспитательного характера применяются, если совершено преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершено менее тяжкое преступление, а также если в процессе судебного рассмотрения будет установлено, что исправление несовершеннолетнего возможно без применения уголовного наказания [2, с. 585].

Уже само название данных мер – принудительные меры воспитательного характера – определяет их двуединое содержание, а именно педагогическое и правовое, при этом каждое обеспечивается принудительным характером. На наш взгляд, данные меры представляют собой обязательное для исполнения воспитательное воздействие, которое регламентировано нормами права и является не наказанием, а средством, создающим внешние условия для внутреннего изменения подростка.

Принудительный характер данных мер заключается в том, что правом их назначения и исполнения обладают органы, которые наделены судебными и исполнительными властными полномочиями, поэтому назначенные меры воспитательного характера исполняются вне зависимости от воли и желаний несовершеннолетнего.

Само по себе такое принуждение – средство социального реагирования на отклоняющееся поведение подростка, которое включает в себя определенный судом перечень обязанностей, ограничений и запретов, исполнение которых должно способствовать искоренению негативных (в первую очередь противоправных) поступков и формированию опыта социально одобряемого, нормативно закрепленного поведения несовершеннолетнего.

В свою очередь, воспитательное воздействие данных мер ориентировано прежде всего на личность подростка, на его сознание и поведение в целях их изменения и самоизменения. По мнению А. А. Середина, правовой смысл и цель принудительных мер воспитательного воздействия заключаются в недопустимости совершения со стороны несовершеннолетнего лица противоправных действий, а также в воздействии на сознание несовершеннолетнего в части отрицательной оценки противоправных действий со стороны общества, государства, а также пагубности последствий антисоциального поведения в плане его дальнейшего развития [3, л. 106].

При освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего, совершившего уголовное преступление, к нему в целях воспитания могут применяться следующие меры воспитательного характера:

- 1) предостережение;
- 2) возложение обязанности принести извинение потерпевшему;
- 3) возложение обязанности возместить причиненный ущерб;
- 4) ограничение свободы досуга;
- 5) помещение в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение [1].

Первая, наиболее мягкая из принудительных мер воспитательного характера – предостережение. Данная мера включает в себя разъяснение несовершеннолетнему причиненного другим и самому себе вреда, а также негативных последствий возможного совершения повторного преступления. Представляет собой форму порицания поведения несовершеннолетнего, его официального предостережения от совершения противоправных поступков впредь и требования измениться в лучшую сторону. Являясь по форме государственно-принудительной, а по содержанию воспитательной мерой, предостережение предполагает необходимость использования судом и другими субъектами системы педагогических методов и приемов воздействия на сознание, чувства, волю подростка: убеждения, переубеждения, объяснения, наставления. В результате воздействия на сознание и эмоционально-нравственную сферу личности несовершеннолетнего подобной судебной процедуры у него должно возникнуть чувство стыда и неудовлетворенности собой, отвращения к «плохому в себе» и своим поступкам, а также стремление изменить свое поведение. Следовательно, предупреждение носит преимущественно воспитательную нагрузку.

Расширение практики уголовно-правового реагирования, связанного с принесением извинения потерпевшему лицом, совершившим преступление, будет содействовать повышению правовой культуры и правосознания граждан и позволит разнообразить перечень средств воздействия, предусмотренных УК Республики Беларусь и не связанных с изоляцией лица от общества.

Возложение на несовершеннолетнего обязанности возместить причиненный ущерб как мера воспитательного характера на несовершеннолетних заключается в фактическом возмещении несовершеннолетним причиненного преступлением ущерба или восстановлении собственным трудом испорченного имущества, если приведение его в первоначальное состояние представляется возможным. Однако данная мера может быть только при наличии условий: совершением преступления причинен материальный ущерб; достижение подростком 15 лет ко дню постановления приговора; ущерб возмещается средствами или трудом несовершенно-

летнего, наличие у него самостоятельного заработка (дохода); размер ущерба не превышает среднемесячного заработка (дохода) подростка.

Одной из наиболее суровых, но в то же время действенных мер воспитательного характера является ограничение свободы досуга несовершеннолетнего. Сущность данной меры заключается в том, что на подростка возлагаются обязанности в течение установленного законом срока соблюдать определенный порядок использования свободного от учебы и работы времени. Назначается она с той целью, чтобы предупредить совершение несовершеннолетним преступлений в то время, когда он уже не находится под наблюдением педагогов или администрации места работы.

Суд может предусмотреть запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома в определенное время суток, а также явку для регистрации в орган, осуществляющий надзор за поведением несовершеннолетнего.

В случае злостного уклонения несовершеннолетнего в течение срока судимости от исполнения принудительной меры воспитательного характера суд по представлению органа, ведающего ее исполнением, может заменить данную меру на более строгую. Кроме того, необходимо отметить, что принудительные меры воспитательного характера могут быть применены судом по предоставлению органа, на который возложено исполнение приговора, к несовершеннолетнему вместо штрафа в случае невозможности взыскания штрафа при отсутствии признаков уклонения от его уплаты [1].

Несовершеннолетнему одновременно может быть назначено несколько принудительных мер воспитательного характера. Это лишнее подтверждает, что последние не являются мерами наказания, выполняют не карательные, а воспитательные функции. Возможность применения одновременно нескольких таких мер усиливает их воспитательный эффект.

Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение заключается в том, что несовершеннолетний в принудительном порядке находится в условиях ограниченного режима. И применяется она в том случае, когда несовершеннолетнему необходимо длительное воспитательное воздействие и постоянный контроль.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что сама сущность и содержание принудительных мер воспитательного характера свидетельствуют об их единой целевой направленности – исправление подростка и предупреждение новых преступлений. В связи с этим становится очевидной задача расширения сферы применения принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним как альтернативы уголовному

наказанию (в первую очередь лишению свободы на определенный срок) и повышения их исправительной результативности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь (общая часть) : учебник / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.

3. Середин, А. А. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним при освобождении от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Середин. – М., 2005. – 203 л.

К содержанию

УДК 343

А. Г. МАЛЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. М. Храмов, канд. юрид. наук, доцент

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Правовая природа обстоятельств, исключающих преступность деяний, является противоположной к правовой природе преступлений. Преступления квалифицируются по признакам их состава. Указанные признаки содержатся и у обстоятельств, исключающих преступность деяния. В литературе сделана попытка определить их совокупность как состав обстоятельств, устраняющих общественную опасность.

Некоторые совершаемые общественно опасные деяния формально могут содержать все четыре признака состава преступления, но при наличии определенных условий не признаются преступлениями. Таким образом, обстоятельства, исключающие преступность деяния, – это установленные законом случаи, когда совершаемые деяния, внешне похожие на какое-либо преступление, не влекут за собой уголовной ответственности [1, с. 59].

Впервые в истории уголовного законодательства Республики Беларусь, в частности в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) 1999 г., были определены шесть обстоятельств, исключающих преступность деяния. Данные обстоятельства и по сегодняшний день отображены в белорусском законодательстве в самостоятельной главе:

- необходимая оборона;
- причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление;
- крайняя необходимость;
- пребывание среди соучастников по специальному заданию;
- деяние, связанное с риском;
- исполнение приказа или распоряжения [2].

Правоприменительной практикой могут использоваться и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния: непреодолимая сила, физическое и психическое принуждение, выполнение профессиональных обязанностей, осуществление субъективных прав, согласие потерпевшего.

Проводя параллель с российским законодательством, можно отметить тот факт, что в УК Российской Федерации также содержится перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния. Данный перечень немного отличается от законодательства Республики Беларусь, так как вместо пребывания среди соучастников по специальному заданию в нем содержится такое обстоятельство, как физическое и психическое принуждение. Как отмечалось ранее, данное обстоятельство применяется белорусским законодательством, но в УК Республики Беларусь прямо не закреплено. В УК Российской Федерации также наблюдается тот факт, что не все применяющиеся на практике обстоятельства, исключающие преступность деяния, отображены в самом законодательстве [3].

Вопрос о внесении изменений в УК Республики Беларусь в части закрепления всех обстоятельств, исключающих преступность деяния, как в отечественном, так и в современном уголовном праве был и есть один из самых острых. Обстоятельства подвергнуты детальному и глубокому исследованию, однако многие аспекты проблемы все еще остаются нерешенными или дискуссионными и требуют комплексного решения. Некоторые ученые утверждают, что данное закрепление необходимо для белорусского законодательства, так как это поможет улучшить его систему, другие же считают, что некоторые обстоятельства не имеют значения для практики и указанное закрепление является нецелесообразным. Тем не менее решение о нормативном закреплении недостающих обстоятельств, исключающих преступность деяния, должно быть принято взвешенно и на основании всесторонней оценки.

Также необходимо принимать во внимание тот факт, что в мировой уголовно-правовой науке перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, является еще более содержательным. В него могут входить такие обстоятельства, как выполнение профессиональных функций, медицинский риск и т. д. [1].

В связи с этим целесообразным представляется проведение детального изучения всех обстоятельств, исключающих преступность деяния, а именно значения этих обстоятельств для законодательства. На основе данного изучения также предлагается решить вопрос о возможном закреплении всех обстоятельств, используемых в правоприменительной практике, чтобы гл. 6 УК Республики Беларусь содержала следующие обстоятельства:

- необходимая оборона;
- причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление;
- крайняя необходимость;
- пребывание среди соучастников по специальному заданию;
- деяние, связанное с риском;
- исполнение приказа или распоряжения;
- непреодолимая сила;
- физическое и психическое принуждение;
- выполнение профессиональных обязанностей;
- осуществление субъективных прав, согласие потерпевшего.

Не исключается, что со временем количество обстоятельств, исключающих преступность деяния, в разы увеличится. Но стоит принять во внимание тот факт, что увеличение числа обстоятельств, исключающих преступность деяния, зависит не от объективных закономерностей, а от качества уголовного законодательства.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что рассмотренные обстоятельства, исключающие преступность деяния, характеризуются как важный институт правового регулирования. Проведение ряда дискуссий поможет взвешенно решить вопрос о нормативном закреплении обстоятельств, применяемых правоприменительной практикой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладких, В. И. Уголовное право : учеб. пособие / В. И. Гладких, В. С. Курчеева. – М. : РИОР, 2015. – 115 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 26.05.2021 г. № 112-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 13 июня 1996 г., № 63-З : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 23.04.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2021.

К содержанию

УДК 343.27

А. Н. НОВИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Заранка, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Одной из форм реализации уголовной ответственности несовершеннолетних являются принудительные меры воспитательного характера. Осуждение несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера – особая мера уголовно-правового характера, которая применяется к несовершеннолетним, которые совершили преступление, в порядке освобождения их от уголовной ответственности, освобождения от наказания или вместо наказания.

Данная мера преследует цель исправления несовершеннолетнего лица и воздействия на него путем убеждения, доведения до его сознания оценки антиобщественных поступков и понимания недопустимости совершения преступления, а также того, что осужденный будет иметь судимость, которая погашается по правилам в соответствии со ст. 121 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). Следует отметить, что данная мера является и воспитательной по своему содержанию, и принудительной по характеру, т. е. назначается судом независимо от желания несовершеннолетнего, так как она является именно принудительной мерой.

Принудительные меры воспитательного характера, как и меры наказания, приведены в систему по степени своей строгости.

В соответствии с ч. 1 ст. 117 УК Республики Беларусь, применение принудительных мер воспитательного характера осуществляется по следующим условиям:

1) применяется только судом и, соответственно, только при постановлении обвинительного приговора в отношении совершившего преступление;

2) актуально только для лиц, совершивших преступление в возрасте до 18 лет;

3) совершено преступление, не представляющее большой общественной опасности, либо лицо впервые осужденное за менее тяжкое преступление [5].

Принудительные меры воспитательного характера также могут быть применены к несовершеннолетнему лицу в том случае, если нет возможности взыскания с него штрафа при отсутствии признаков уклонения от его уплаты. Основываясь на положениях УК Республики Беларусь, суд имеет право назначить различные принудительные меры воспитательного характера. Одной из них является предостережение, которое заключается в объяснении несовершеннолетнему лицу, совершившему преступление, последствий за совершение им повторного преступления.

Законодатель также может обязать публично либо в другой форме, которая определяется судом, принести извинение потерпевшему.

Выделяют такую меру принудительного воспитательного характера, как возложение на несовершеннолетнего лицо, которое достигло возраста 15 лет, обязательства покрыть своими средствами либо устранить собственным трудом последствия своего деяния, которое причинило ущерб, но при обязательном условии, что лицо имеет самостоятельный заработок и размер ущерба при этом не должен превышать его среднемесячный заработок или доход.

Суд может назначить данную меру в виде ограничения свободы несовершеннолетнего на срок от одного до шести месяцев с возложением на него обязанностей соблюдения определенного порядка использования его свободного от учебы и работы времени. В п. 5 ст. 117 УК Республики Беларусь регламентируется, что суд может предусмотреть запрет посещать определенные места, ограничение во времени пребывания вне дома в определенное время суток, использования определенных форм досуга, в том числе и управления механическим транспортным средством, также обязанность являться для регистрации в орган, который осуществляет контроль за поведением несовершеннолетнего.

В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 117 УК Республики Беларусь – помещение в специальное учебно-воспитательное либо специальное лечебно-воспитательное учреждение на срок до двух лет, если лицо не достигло возраста 18 лет, но если лицо исправилось и нет необходимости дальнейшего нахождения в данных учреждениях, то оно может быть досрочно прекращено судом [1, с. 586].

Контроль за выполнением несовершеннолетними осужденными, учреждениями и отдельными лицами требований, которые обусловлены применением принудительных мер воспитательного характера в отноше-

нии несовершеннолетних осужденных, а равно профилактическое наблюдение за ними осуществляются инспекциями по делам несовершеннолетних по месту их жительства либо по месту нахождения их в специальном учебно-воспитательном учреждении или специальном лечебно-воспитательном учреждении.

В п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» говорится: «Разъяснить судам, что по смыслу ч. 1 ст. 117 УК Республики Беларусь, осуждение несовершеннолетнего за преступление, не представляющее большой общественной опасности, с применением принудительных мер воспитательного характера возможно и при совершении нескольких таких преступлений, а также при наличии прежней непогашенной судимости» [6].

Суд при постановлении обвинительного приговора несовершеннолетнему с применением вместо наказания принудительных мер воспитательного характера, в его описательно-мотивировочной части обязан указать мотивы такого решения [6].

Также важно учитывать, что если лицо все-таки злостно уклоняется в течение срока судимости от исполнения данной принудительной меры воспитательного характера, то суд может заменить данную меру на более строгую. Порядок замены принудительных мер воспитательного характера регламентируется ч. 2 ст. 185 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь. В этой норме закреплено, что в случае нарушения несовершеннолетним мер, назначенных судом, может быть вынесено официальное предупреждение, а при повторном после официального предупреждения – объявлен выговор в письменной форме.

Согласно данным судебной статистики за три года (2018–2020), динамика совершения преступлений несовершеннолетними положительна и показывает тенденцию сокращения осужденных несовершеннолетних.

Число осужденных несовершеннолетних в 2018 г. составляет 605, из них к 279 лицам были применены принудительные меры воспитательного характера [2].

В 2019 г. было осуждено 727 лиц, к 190 из которых были применены принудительные меры воспитательного характера [3].

В 2020 г. было осуждено 605 несовершеннолетних, к 164 были применены принудительные меры воспитательного характера [4].

Таким образом, практика применения принудительных мер воспитательного характера показывает, что суды Республики Беларусь активно используют данную меру уголовной ответственности при рассмотрении дел несовершеннолетних.

Необходимо отметить, что проблема преступности несовершеннолетних лиц занимает особое место в деятельности судов и правоохранительных органов. Только эффективные уголовно-правовые меры, которые применяются к несовершеннолетним, в сочетании с воспитательно-профилактическим воздействием способны не только обеспечить их исправление, но и способствовать предупреждению преступлений с их стороны.

Перечень принудительных мер воспитательного характера, предусмотренных уголовным законодательством Республики Беларусь, является исчерпывающим. На наш взгляд, необходимо пересмотреть национальное законодательство, изучив опыт других стран, в которых предусмотрены и иные меры принудительного воспитательного характера, например передача несовершеннолетнего лица под контроль родителей или лиц, которые их заменяют.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.

2. Данные судебной статистики за 2018 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/3c486a3a385b456d.html. – Дата доступа: 10.10.2021.

3. Данные судебной статистики за 2019 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/06b26806148f4786.html. – Дата доступа: 10.10.2021.

4. Данные судебной статистики за 2020 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/ef9e3be7a0bd45f7.html. – Дата доступа: 10.10.2021.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/non18/. – Дата доступа: 15.10.2021.

К содержанию

УДК 343

К. Д. ПАРЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. И. Дудчик, преподаватель

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

В настоящее время экстремистская деятельность является актуальной и создает реальную угрозу жизнедеятельности государства, посягает на конституционные права и свободы граждан Республики Беларусь, общественный порядок и общественную безопасность.

Экстремизм (экстремистская деятельность) – деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства либо политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, в том числе иностранных или международных организаций или их представительств, формирований и индивидуальных предпринимателей по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность [2].

Масштаб проблемы определяется заинтересованностью государства в предотвращении противоправных действий, которые имеют массовый характер в последнее время и влекут за собой тяжелые последствия. В мае 2021 г. парламент Республики Беларусь принял новые законы об экстремизме и о недопущении реабилитации нацизма. Помимо этого, соответствующие изменения внесены в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) и Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь).

Проводя анализ Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» (в новой редакции от 14 мая 2021 г.), следует отметить теоретическую основу слова «экстремизм» и общие международные подходы к данному понятию.

На данный момент вопрос о существовании консенсуса в отношении юридического термина «экстремизм» является актуальным, в международном понимании четкого определения не существует. Слово «экстремизм» образовано от латинского *extremus* ‘крайний’, поэтому оно понимается как приверженность крайним взглядам и мерам. Учитывая мнение экспертов [3], в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г., 18 декабря 2008 г. и др. «экстремизм представлен исключительно

с религиозной, расовой и националистической точек зрения», также говорится о том, что отсутствует само определение понятия и его «политические мотивы» [1]. В УК Республики Беларусь понятие также отсутствует. Проведенный анализ нормативных правовых актов показал, что первая и самая главная существующая проблема заключается в отсутствии четкой формулировки термина «экстремизм». Приведенная формулировка в Законе Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» [1] (далее – Закон) состоит из перечислений форм, в которых экстремизм может осуществляться. Именно вопросы в понимании формулировки и создают проблемы для успешного противодействия противоправному. А. Г. Хлебушкин отмечает: «...уяснение его содержания – это уже и правовая проблема, так как противодействие экстремизму затрагивает множество сугубо юридических вопросов, где недопустима вольная интерпретация» [4].

Учитывая вышеизложенное, организация эффективного противодействия невозможна без четкого уяснения понятия и отсутствия его в УК Республики Беларусь. Рассматривая перечень приведенных деяний в Законе, можно сказать, что каждое в практике образует самостоятельный состав преступления, предусмотренный Особенной частью УК Республики Беларусь.

Затрагивая основу экстремизма, нельзя не упомянуть его актуальную проблему среди подростков и молодежи. Данная категория в силу своих социально-психологических особенностей является одной из самых восприимчивых к воздействию происходящего вокруг. Лица, которые придерживаются негативных тенденций, направленных исключительно деструктивно, – молодые люди от 16 до 30 лет. При столкновении с проблемами во взрослой жизни молодежная среда переживает смену настроения, возникают крайние агрессивные формы. Отсутствие опыта, навыков и идей для разрешения каких-либо конфликтных ситуаций и порождает недостаточную социальную устойчивость, что в конечном итоге и делает явление экстремизма актуальным.

Анализируя вышесказанное, следует сделать важный вывод: контроль за молодежью необходимо осуществлять путем инспектирования благосостояния семей, затем школ, университетов. Без внимания не остаются и религиозные деятели, деятели науки, литературы, кино и, конечно же, средства массовой информации, которые оказывают внешнее влияние на молодежную среду. Создание единого пространства просвещения не будет лишним, главной задачей в цепи семья – УОСО – УВО следует поставить информационное противодействие экстремизму и терроризму в процессе воспитания.

На основе всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что экстремизм является деструктивным явлением в обществе, влияющим как на правосознание, так и в широком смысле на образ мышления и жизнь молодежи. Изменение правовой психологии и достижение отторжения негативных мыслей у большинства населения является главной задачей государства и общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] : [заключена в г. Шанхае 15.06.2001 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.03.2021 г. № 104-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

3. Восканян, С. С. К вопросу о классификации экстремизма / С. С. Восканян // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 9. – С. 8–11.

4. Хлебущкин, А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : монография / А. Г. Хлебущкин ; отв. ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов : Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2007. – 160 с.

К содержанию

УДК [34:159.9]:347.157.1

И. П. ПАШКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗРАСТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Субъективная сторона преступления играет важную роль и в судопроизводстве, поскольку от степени виновности лица в совершенном деянии зависит мера уголовной ответственности, а также тип наказания, который будет применен к лицу для его исправления.

Под понятием субъективной стороны понимается психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и тем общественно опасным последствиям, которые возникли после совершения общественно опасного деяния. К содержанию субъективной стороны

уголовное законодательство относит только те элементы психического отношения лица, которые имеют значение для разрешения вопроса об основаниях уголовной ответственности, а также определения ее пределов. Уголовная ответственность, предусмотренная законом, выражается в применении принудительных мер к лицу, совершившему преступление.

Возраст является необходимым элементом состава преступления. Психологи и юристы до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, с какого возраста можно привлекать лицо к уголовной ответственности и какие психологические особенности данного возраста надо учитывать. По этому вопросу А. А. Примаченок отмечал, что «установление начального возраста уголовной ответственности – важный фактор проявления гуманизма и социальной справедливости, потому что этот процесс не отделим от упрочения гарантий, прав и свобод человека» [1].

Однако достижение определенного законом возраста, называемого паспортным или хронологическим, не всегда означает, что лицо способно нести уголовную ответственность. На это указывает И. М. Мухачева: «Следует отметить, что законодатель, определяя возраст наступления уголовной ответственности, предполагает, что все несовершеннолетние, находящиеся в возрастном периоде с 14 до 18 лет, способны осознавать значение, общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Но несовершеннолетние, имеющие один и тот же паспортный возраст, зачастую имеют различное физическое и психическое развитие. Поэтому считать дату вступления подростка в определенный возрастной период универсальным критерием автоматической осознанности, волевого контроля и способности прогнозировать последствия своего поведения не совсем верно. Устанавливая низший возрастной порог уголовной ответственности, законодатель учитывает данные возрастной психологии, опираясь на типичные характеристики подросткового возраста. При этом физиологические и психологические показатели, правосознание (осознание и понимание уголовно-правовых запретов) могут не соответствовать общепринятым характеристикам подросткового возраста. Созревание мозговых структур, формирование функциональных систем, нравственных ориентиров и становление системы правосознания в одном и том же возрастном периоде у разных несовершеннолетних может быть различным» [6].

В период формирования личности несовершеннолетнего в его сознании переплетаются ценности сверстников, родителей, что порождает множество противоречий. Именно возраст 12–17 лет характеризуется повышенной эмоциональной ранимостью, неуравновешенностью, неустойчивостью поведения, незрелостью мышления, что часто проявляется в неадекватных реакциях на происходящее. Лица в таких психологических состояниях совершают поступки, которые являются следствием эмоций,

непосредственных побуждений, недостаточности опыта и знаний, склонности к подражанию и фантазии, самовнушению, проявлению агрессии.

Данному возрасту свойственна определенная податливость, восприимчивость к отрицательному влиянию среды. С одной стороны, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет достаточно социализированы, с другой – происходит дальнейшая социализация и склонность к формированию девиантного поведения. Поэтому установление возрастных границ уголовной ответственности за свое поведение предполагает учет психологических особенностей этого возраста, что и обусловило установление в отношении ответственности несовершеннолетних ряда исключений и дополнений по сравнению с общими правилами уголовной ответственности [2].

Психологами отмечается существование в развитии личности этапа, «на котором происходит переход объективной ответственности, когда ребенок следует социальным нормам, опасаясь наказания, в субъективную, основанную на осознании необходимости выполнения норм общественного поведения и свидетельствующую о развитии автономной морали личности». Получается, что в отношении подрастающих юных людей с взрослым миром постоянно актуальной оказывается проблема свободы и ответственности [3].

При назначении наказания суд должен убедиться в том, что несовершеннолетний достиг психической зрелости, способен полноценно руководить и понимать свои действия. Для решения этого вопроса рекомендуется проведение судебно-психологической экспертизы по установлению степени зрелости подростка. Диагностика возрастного периода в случаях замедленного психического развития, обусловленного социально-педагогической запущенностью, еще не дает полного ответа на вопрос о способности несовершеннолетнего полностью осознавать свои действия и руководить ими. Такой парадокс объясняется тем, что в сравнительно простых ситуациях рефлексия и регуляция поведения у него могут оказаться актуально достаточными, а в более сложных – будут неполными. Поэтому экспертная оценка должна выполняться обязательно с учетом внешних и внутренних условий совершения инкриминируемого несовершеннолетнему деяния [5].

Можно выделить следующие особенности влияния несовершеннолетнего возраста виновного лица на основания и пределы уголовной ответственности:

1) несовершеннолетие виновного признается обстоятельством, смягчающим наказание;

2) несовершеннолетие виновного лица препятствует применению к нему отдельных видов наказания;

3) несовершеннолетие виновного лица существенно сокращает максимальные пределы назначения ему наказания;

4) несовершеннолетие виновного лица обуславливает в случае назначения ему наказания в виде лишения свободы помещение его в воспитательную колонию;

5) несовершеннолетие виновного лица в отдельных случаях позволяет освободить его от уголовной ответственности или наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

б) несовершеннолетие виновного лица в отдельных случаях позволяет применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа;

7) несовершеннолетие виновного лица сокращает сроки фактического отбывания наказания для применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, сроки давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора суда, а также сроки погашения судимости [7].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что несовершеннолетний возраст лица, совершившего преступление, существенно сокращает пределы уголовной ответственности, позволяя при этом применить к виновному лицу специальные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания.

При дифференциации возраста уголовной ответственности законодателем должна быть учтена возможность несовершеннолетних по-разному воспринимать и оценивать различные правовые запреты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Примаченок, А. А. Совершенствование уголовно-правовой системы мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних / А. А. Примаченок ; под ред. М. А. Ефимова. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – С. 134–135.

2. Хромова, Н. М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних / Н. М. Хромова // Журн. рос. права. – 2018. – № 4. – С. 96–109.

3. Лукьянчиков, Е. Д. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних : учеб. пособие / Е. Д. Лукьянчиков ; М-во внутр. дел СССР, Киев. высш. шк. им. Ф. Э. Дзержинского. – Киев : КВШ МВД СССР, 1990. – 51 с.

4. Герасимова, О. И. Отдельные аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних / О. И. Герасимова // Вестн. Адыгейс. ун-та. – 2005. – С. 126–130.

5. Фурманов, И. А. Судебно-психологическая экспертиза : учеб. материалы / И. А. Фурманов, И. Е. Метлицкий. – Минск : БГУ, 2014. – 78 с.

6. Мухачева, И. М. Применение положений ч. 3 ст. 20 УК РФ о «возрастной незрелости» / И. М. Мухачева // Актуал. проблемы рос. права. – 2018. – № 6. – С. 118–125.

7. Пикин, И. В. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних / И. В. Пикин, И. А. Тараканов, С. А. Пичугин // Крым. науч. вестн. – 2019. – № 1 (22).

К содержанию

УДК 343

Е. В. РОМАНЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время в Республике Беларусь вопросы обращения с животными урегулированы: Гражданским кодексом Республики Беларусь – ст. 137, 231–233, 242; Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) – ст. 16.28 Нарушение требований в области ветеринарной деятельности, ст. 16.29 Жестокое обращение с животным или избавление от животного, ст. 16.30. Нарушение правил содержания животных; Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) – ст. 339¹ (жестокое обращение с животным); Законом Республики Беларусь от 2 июля 2010 г. № 161-З «О ветеринарной деятельности». В отношении домашних животных (собак, кошек) также приняты: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 2001 г. № 834 «Об утверждении Правил содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь»; постановление Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 12 декабря 2001 г. № 40 «О некоторых вопросах разведения, содержания, ввоза в Республику Беларусь, а также обучения владельцев потенциально опасных пород собак» [1].

КоАП Республики Беларусь от 6 января 2021 г., который вступил в силу 1 марта 2021 г., закрепил новые положения, касающиеся ответственности за жестокое обращение с животным: ст. 16.29 – жестокое обращение с животным или избавление от животного и ст. 16.30 – нарушение правил содержания животных. Определение понятия «жестокое обращение» с животным в новом КоАП Республики Беларусь, наконец, стало похоже на то, которого добивались правозащитники. Новая статья (16.29)

включает три части с целью дифференциации ответственности в зависимости от характера деяния и наступивших последствий. Также введена ответственность за избавление от животного. С целью формирования единой правоприменительной практики раскрыт понятийный аппарат. Даны определения понятиям «жестокое обращение с животным», «истязание животного» и «избавление от животного».

Жестокое обращение с животным (за исключением истязания животного), не повлекшее его гибели или увечья, влечет наложение штрафа в размере до пятнадцати базовых величин. Избавление от животного влечет наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин. Жестокое обращение с животным, выразившееся в истязании животного либо повлекшее его гибель или увечье, влечет наложение штрафа в размере от двадцати до тридцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест [2, ст. 16.29].

Под *жестоким обращением с животным* в статье понимаются истязание животного, нанесение ему телесных повреждений, натравливание животных друг на друга, иные действия (бездействие), влекущие причинение вреда здоровью животных, в том числе травмы и увечья, или гибель животных (за исключением случаев использования животных в научном эксперименте или опыте, доклиническом исследовании лекарственных средств, биологическом тестировании, образовательном процессе, производстве биологических препаратов, иных случаев, предусмотренных законодательством), а также нарушение условий содержания животных в соответствии с зоотехническими, зоогигиеническими и ветеринарно-санитарными правилами, приводящее к истощению организма животных. Под *истязанием животных* понимается умышленное причинение продолжительной боли или мучений путем систематического нанесения побоев, сечения, удушения, связывания конечностей и иными способами. Под *избавлением от животного* понимается прекращение содержания животных без передачи их новым владельцам либо сдачи в пункт временного содержания животных, приют для животных, а также если в случае пропажи зарегистрированных собак и кошек их владельцы в течение трех суток не подали заявление о пропаже этих животных в организацию, осуществляющую регистрацию собак и кошек [2, ст. 16.29].

Нарушение правил содержания животных влечет наложение штрафа в размере от одной до пятнадцати базовых величин. То же нарушение, повлекшее причинение вреда здоровью людей или имуществу, влечет наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест [2, ст. 16.30].

В УК Республики Беларусь ст. 339¹ (жестокое обращение с животным) введена сравнительно недавно – Законом Республики Беларусь

от 05.01.2015 № 241-З. До этого за жестокое обращение с животным существовала только административная ответственность, а за причинение вреда животному как имуществу – гражданско-правовая ответственность. Законодатель предусмотрел уголовную ответственность в ст. 339¹ УК Республики Беларусь, которая наступает не за все проявления жестокости по отношению к животному, которые влекут гибель или увечье, а только за такие деяния, совершенные из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего лица. Поэтому невозможно привлечь преступника к уголовной ответственности, если проявленное им жестокое обращение с животными не содержит в себе этих признаков [3, ст. 339¹].

По инициативе зоозащитников и общественности Законом Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» от 6 января 2021 г. № 85-З усиливается уголовная ответственность за жестокое обращение с животным. Этим законом внесены изменения в УК Республики Беларусь, согласно которым теперь санкция ч. 2 ст. 339¹ предусматривает наказание в виде ареста, или ограничения свободы на срок до трех лет, или лишение свободы на тот же срок, т. е. верхний предел ограничения свободы и лишения свободы за жестокое обращение с животными, совершенное повторно или группой лиц, увеличивается с одного года до трех лет [3, ст. 339¹].

В чем разница между административной ответственностью и уголовной за жестокое обращение с животным? КоАП Республики Беларусь устанавливает ответственность за жестокое обращение с животным, избавление от животного и истязание животных. Ст. 339¹ УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, совершенное *из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего*.

Таким образом, очевидно, что диспозиции составов частично совпадают, что создает сложность при их разграничении. На наш взгляд, наиболее рационально было бы деяния, предусмотренные статьями вышеуказанных кодексов, объединить в одну статью, т. е. предусмотренные КоАП Республики Беларусь деяния включить в ч. 1 ст. 339¹ УК Республики Беларусь, а жестокое обращение, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего, рассматривать как квалифицированный состав.

Сравнивая нормы, предусмотренные КоАП Республики Беларусь и УК Республики Беларусь, обратим внимание на родовый объект. Так, в КоАП Республики Беларусь норма размещена в гл. 16 «Административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей

среды и порядка природопользования». В УК Республики Беларусь норма о жестоком обращении с животным находится в гл. 30 «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности». Это свидетельствует о том, что законодатель одно и то же деяние относит к разным родовым объектам. Это обусловлено, на наш взгляд, сложностью определения статуса животных.

Несмотря на закрепление в УК Республики Беларусь ответственности за жестокое обращение с животным, в редакции современного белорусского уголовного законодательства привлечь виновное лицо к ответственности за жестокое обращение с животным не просто, даже в тех случаях, когда преступное посягательство является очевидным. Подобное происходит вследствие отсутствия в ст. 339¹ УК Республики Беларусь достаточного количества объективных и субъективных признаков, указывающих на окончанный состав преступления. Столь серьезная правовая проблематика нуждается в устранении путем принятия закона Республики Беларусь «Об ответственном обращении с животными». Вообще в Беларуси для случаев жестокого обращения с животным характерна высокая латентность. Регистрируются единичные случаи преступлений по Брестской области и несколько десятков по республике. До суда доходит еще меньшее количество дел вследствие сложности доказывания. Отсутствует единая правоприменительная практика. Наказать за жестокое обращение очень сложно: есть трудности со сбором доказательств, назначением экспертиз.

В декабре 2020 г. в Беларуси произошло важное событие: зарегистрирована Ассоциация зоозащитных организаций. Именно зоозащитники и общественность добились внесения изменения в статьи КоАП Республики Беларусь, касающиеся ответственности за жестокое обращение с животными, а также ужесточения санкции ст. 339¹ УК Республики Беларусь. В 2020 г. зоозащитные организации активно работали над внесением изменений в Правила содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь, утвержденные постановлением Совета Министров от 4 июня 2001 г. № 834 (далее – Правила). Министерством жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь подготовлен проект нового постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об обращении с животными», который был вынесен на общественное обсуждение. Зоозащитники добились существенной корректировки Правил, в частности по вопросам стерилизации животных, чипирования, регулирования отлова. Проект в настоящее время проходит процедуру согласования с государственными органами. Обновленные Правила в дальнейшем станут базисом для проекта Закона Республики Беларусь «Об ответственном обращении с животными». Также

Ассоциация поставила задачу разработать алгоритмы действий для заявителей о фактах жестокого обращения с животными: выложить образцы заявлений, по мере необходимости консультировать заявителей по правовым и процессуальным вопросам.

Что касается законопроекта «Об ответственном обращении с животными», то в настоящее время он отозван из парламента для доработки. Закон «Об обращении с животными» первый раз попытались принять еще в 2001 г. Тогда проект закона прошел первое чтение в парламенте, однако получил много критических отзывов и принят не был. Затем было предпринято еще несколько безрезультатных попыток. Сложность заключается в том, что в разработке законопроекта должно быть задействовано большое количество субъектов: представители Министерства жилищно-коммунального хозяйства, Министерства финансов, Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды, сельского хозяйства, ветеринарные врачи, биологи, кинологи.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сформулировать следующие выводы и предложения.

1. В Республике Беларусь существует необходимость принятия комплексного закона «Об ответственном обращении с животными», который должен быть направлен на укрепление нравственности и гуманности общества, предотвращение страданий и гибели животных от жестокого обращения с ними. В закон «Об ответственном обращении с животными» необходимо включить дополнительную ответственность за факты трансляции в Интернете сцен жестокости и насилия над животными, а также за вовлечение в эту деятельность несовершеннолетних.

2. Также считаем необходимым в норму уголовного закона, запрещающую жестокое обращение с животным, внести дополнения: дать определение в УК Республики Беларусь понятию жестокого обращения с животным, определить предмет преступления.

3. Считаем, что диспозицию ч. 2 ст. 339¹ УК Республики Беларусь необходимо дополнить, т. е. вынести в квалифицированный состав такие обстоятельства жестокого обращения с животным, как с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, а также «совершенное в отношении нескольких животных».

То есть предлагаем изложить ч. 2 ст. 339¹ УК Республики Беларусь в следующей редакции:

«2. То же действие, совершенное повторно либо группой лиц, либо в присутствии малолетнего; либо с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет; либо в отно-

шении нескольких животных, – наказывается арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок».

Данные уголовно-правовые меры поспособствуют совершенствованию противодействия жестокому обращению с животным в Республике Беларусь. Одним из главных направлений борьбы с жестокостью в отношении животных является дальнейшее совершенствование законодательства, а также правоприменительной практики для обеспечения неотвратимости наказания за проявленную к животным жестокость.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович, Е. А. Профессионально об актуальном: правовое регулирование отношений в области обращения с животными [Электронный ресурс] / Е. В. Адамович // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

УДК 343.35

А. Ю. РЫЖАНКОВ

Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – В. В. Лосев, канд. юрид. наук, доцент

ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА К НЕИСПОЛНЕНИЮ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕМУ ИСПОЛНЕНИЮ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СЛУЖЕБНОЙ ХАЛАТНОСТИ

Как отмечено в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы», одним из квалифици-

рующих отличий служебной халатности от иных преступлений против интересов службы выступает неосторожная форма вины как часть субъективной стороны состава преступления.

Однако в содержании ст. 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) указано, что в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по неосторожности наступают общественно опасные последствия, а не совокупность деяния и последствий совершается по неосторожности.

С учетом этой формулировки вопрос о разнице в психическом отношении должностного лица к деянию и последствиям служебной халатности определенно требует постановки, поскольку неосторожность как форма вины законодателем сформулирована исключительно в отношении последствий и не описывает психическое отношение виновного к деянию.

По мнению В. В. Хилюты, неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. При этом психическое отношение должностного лица к последствиям своего деяния может быть только неосторожным [1].

Схожей позиции придерживался и, например, В. А. Шкурко, который подчеркивал, что отнесение халатности к категории неосторожных преступлений не влияет на то, что субъективное отношение виновного к своему деянию может являться и умышленным [2, с. 185].

Однако не все исследователи согласны с этой позицией. Как пишет Б. В. Здравомыслов, умышленность нарушения лицом своих обязанностей по службе свидетельствует о злоупотреблении, а не о халатности. Допущение умысла в халатности может привести к ошибкам при квалификации и завышению степени общественной опасности этого преступления [3, с. 123].

В целях устранения противоречия некоторыми авторами предлагается внесение изменений в определение халатности путем добавления указания на то, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей совершается виновным из-за небрежного или легкомысленного отношения к службе [3, с. 131; 4, с. 15–16].

По нашему мнению, поскольку среди описанных в уголовном законе признаков неосторожности применительно к составам преступлений с материальной конструкцией объективной стороны не содержится описание психического отношения лица к самому деянию, то нет необходимости отражать эти признаки и исключительно в составе служебной халатности. Тем более что именно «умышленными» эти деяния должностных лиц назвать нельзя.

Оценивая психическое отношение должностного лица к неисполнению или ненадлежащему исполнению своих обязанностей, следует

говорить об осознанности им своего поведения, а не «умышленности». В случае служебной халатности у виновного отсутствует реальное предвидение возможных общественно опасных последствий своего поведения, как было рассмотрено выше, а потому и признаков «умысла» как обязательного осознания общественной опасности своего деяния (ч. 2 и 3 ст. 22 УК Республики Беларусь) не имеется.

Наиболее точным считаем описание субъективной стороны, предложенное А. В. Барковым, который отмечал, что служебная халатность является неосторожным преступлением, в котором должностным лицом могут допускаться осознанно или неосознанно упущения по службе, однако отношение к общественно опасным последствиям всегда будет легкомысленным или небрежным [6, с. 498].

Наличие у лица осознания факта халатного поведения по службе не влияет на форму вины, с которой совершается служебная халатность. Наличие указания в ст. 428 УК Республики Беларусь на психическое отношение виновного лица в виде неосторожности по отношению к наступившим в результате нарушения служебных обязанностей общественно опасным последствиям относит служебную халатность к категории неосторожных преступлений.

Хотя отношение должностного лица к своему халатному поведению по службе не влияет на квалификацию совершенного деяния, но должно учитываться при назначении виновному наказания. Субъективное отношение должностного лица к неисполнению или ненадлежащему исполнению своих служебных обязанностей и наступившим общественно опасным последствиям должно найти свое полное, объективное и всестороннее отражение в материалах проверки, предварительного расследования и приговоре суда по факту служебной халатности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хилюта, В. В. Всегда ли должностное злоупотребление совершается умышленно (часть 2) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 28.05.2018 г.] / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Шкурко, В. А. Субъективная сторона халатности [Электронный ресурс] / В. А. Шкурко // Труды Иркут. гос. ун-та им. А. А. Жданова. – 1956. – Т. XVII, вып. 2. – Режим доступа: <https://Naukarpa.ru/catalog/435/712/558869/51820>. – Дата доступа: 21.10.2021.
3. Здравомыслов, Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б. В. Здравомыслов. – М. : Юриздат, 1975. – 168 с.
4. Минакова, И. Г. Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.01.08 / И. Г. Минакова. – Ростов н/Д, 2008. – 205 л.

5. Тищенко, Ю. Ю. Халатность: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. Ю. Тищенко ; Всерос. науч.-исслед. ин-т М-ва внутрен. дел Рос. Федерации. – М., 2006. – 22 с.

6. Барков, А. В. Служебная халатность / А. В. Барков // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – Т. 3. – С. 498.

К содержанию

УДК 343

А. В. САВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

МАТЕРИАЛЬНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

В целях способствования восстановлению социальной справедливости национальным уголовным законодательством оговорена возможность возмещения урона, нанесенного посредством совершения преступления.

Частью 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) регламентировано: «осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда».

Дефиниция понятия «моральный вред» содержится в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь. Так, в ч. 5 ст. 460 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) законодатель разъясняет понятие морального вреда. Моральным вредом признается причинение нравственных или физических страданий действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина, в том числе унижение его чести и достоинства.

Однако данное разъяснение, как, собственно, и вся регламентация порядка возмещения такого вреда, относится к ситуации возмещения вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс, а не возмещения вреда, причиненного при совершении преступления.

Таким образом, законодатель не дает четкого определения на предмет того, урон каким правам и интересам может считаться моральным вредом по отношению к ситуации совершения преступления.

Также в уголовном законодательстве отсутствует определение характера урона, наносимого лицу, в отношении которого имеет место

причинение морального вреда, т. е. наличие каких субъективных ощущений у лица, пострадавшего от преступления, может быть основанием для признания факта нанесения морального вреда, подлежащего материальному возмещению (компенсации).

Вместе с тем отдельные вопросы, касающиеся общих аспектов материального возмещения морального вреда, разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» (далее – Постановление).

Так, п. 3 Постановления установлено, что моральный вред подлежит компенсации во всех случаях, когда он причинен действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему от рождения или в силу акта законодательства иные нематериальные блага.

В п. 8 Постановления разъяснено, что под моральным вредом понимаются испытываемые гражданином физические и (или) нравственные страдания, а также определено, какие именно субъективные ощущения человека могут быть признаны основанием для материального возмещения морального вреда.

Несмотря на упоминание УК Республики Беларусь в качестве источника правовых норм, на основании которых возмещение морального вреда может быть истребовано пострадавшим лицом, точного перечня оснований для истребования материального возмещения морального вреда в рамках уголовного законодательства, а также указаний о корреляции изложенных в Постановлении рекомендаций с нормами уголовного права не имеется.

Все же на основании анализа данных положений можно сделать вывод о том, что в гражданском законодательстве институт материального возмещения морального вреда имеет под собой несколько более обширную нормативную базу, чем в законодательстве уголовном.

Среди заслуживающих особого внимания аспектов проблематики заявленной темы можно также выделить отсутствие в уголовном законодательстве определения конкретных размеров материального возмещения морального вреда, причиненного при совершении преступления.

В качестве решения может выступить определение верхнего и нижнего пределов суммы материального возмещения морального вреда, исчисляемого в базовых величинах и определяемого в зависимости от категории преступления, посредством совершения которого потерпевшему был нанесен моральный вред.

Так, примером данного решения применительно к законодательно-нормативному изложению данного аспекта может послужить следующее: при совершении преступления, не представляющего большой обществен-

ной опасности, размер суммы материального возмещения морального вреда, подлежащего истребованию, может составлять от 50 до 100 базовых величин; менее тяжкого преступления – от 100 до 400 базовых величин; тяжкого преступления – от 400 до 700 базовых величин, особо тяжкого преступления – от 700 до 1000 базовых величин, а за преступления, повлекшие смерть человека, от 1000 до 2000 базовых величин. Наличие нижнего и верхнего пределов также позволит определять размер возмещения вреда в зависимости среди прочего и от формы вины. Также целесообразно предоставление взыскателю права определения размера материального возмещения морального вреда в сумме ниже минимального размера, установленного в зависимости от категории преступления.

Вышеуказанное решение, в частности нижний и верхний пределы сумм материального возмещения морального вреда, могут быть определены законодателем в иных размерах на основании обобщения имеющейся судебной практики по данному вопросу.

Таким образом, дальнейшее нормативное урегулирование применения института материального возмещения морального вреда может усовершенствовать правоприменительную деятельность органов, ведущих уголовный процесс, поскольку применение закона по аналогии не отвечает всем заявленным обстоятельствам.

К содержанию

УДК 343.983.22

Ю. П. САНДРИГАЙЛО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. М. Храмов, канд. юрид. наук, доцент

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ И ЭЛЕМЕНТЫ, ПОРЯДОК НАХОЖДЕНИЯ В СОБСТВЕННОСТИ

Ряд авторов, работающих в области уголовного права и криминалистики, неоднократно пытались разработать универсальное практическое определение огнестрельного оружия. На сегодняшний день предложено множество вариантов таких определений. В большинстве из них отмечается, что какой-либо предмет будет являться огнестрельным оружием лишь тогда, когда он будет иметь боевое назначение и ряд механических свойств, обеспечивающих выполнение поставленной цели. В. М. Плещачевский в качестве особенности огнестрельного оружия выделяет его целевое назначение, а именно поражение человека или животного снарядом.

Д. Н. Рассейкин вводит медицинский признак – способность нанести серьезные телесные повреждения.

В Республике Беларусь вопросы, связанные с оружием, регламентированы в соответствии с Законом Республики Беларусь от 13.11.2001 № 61-З «Об оружии» (далее – Закон «Об оружии») [1]. При расследовании преступлений, в которых огнестрельное оружие является элементом состава преступления или квалифицирующим признаком преступления, необходимо руководствоваться определением, данным в Законе «Об оружии». В соответствии со ст. 1 Закона «Об оружии», под огнестрельным понимается оружие, которое производит выстрел, предназначено или может быть легко приспособлено для производства выстрела или ускорения пули или снаряда за счет энергии взрывчатого вещества. Порядок оборота боевого, служебного и гражданского оружия в Республике Беларусь регламентируется Указом Президента Республики Беларусь от 30 августа 2002 г. № 473 «О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь» (далее – Указ «О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь») и Указом Президента Республики Беларусь от 4 апреля 2003 г. № 134 «О некоторых вопросах оборота оружия на территории Республики Беларусь» (далее – Указ «О некоторых вопросах оборота оружия на территории Республики Беларусь»), которые регулируют отношения, возникающие при обороте огнестрельного оружия.

В первую очередь необходимо выделить критерии отнесения того или иного предмета к огнестрельному оружию. По мнению Б. М. Комаринцева [3, с. 25], каждому огнестрельному оружию должны быть присущи:

- оружейность – объект должен быть предназначен для поражения цели и должен иметь достаточную для этого поражающую способность;
- огнестрельность – возможность использования энергии взрывчатого разложения пороха или иного вещества с целью передачи снаряду кинетической энергии для придания ему движения;
- надежность – использование оружия должно быть безопасным для применяющего его лица, а также должно соответствовать определенным критериям качества.

Представляется, что данная система критериев в наибольшей степени соответствует современным представлениям об огнестрельном оружии, потому что:

- 1) данная система позволяет проводить линию разграничения между огнестрельным оружием и другими видами оружия, конструктивно схожего с огнестрельным (пневматическое оружие, аэрозольные устройства);

2) данная система содержит основные черты, присущие каждому огнестрельному оружию, что выделяет огнестрельное оружие среди других видов оружия (взрывные устройства, холодное оружие).

Исходя из критерия оружейности, следует, что конструкция должна иметь целевое назначение, соответственно, можно выделить основные конструктивные элементы любого огнестрельного оружия:

– ствол либо заменяющий его элемент предназначен для придания снаряду (пуле) определенной траектории движения;

– запирающий механизм – устройство, которое закрывает в момент выстрела казенную часть ствола, что является обязательным условием производства выстрела;

– воспламеняющее устройство (ударный механизм) – устройство, приводящее в действие метательный снаряд (пулю);

– механизм извлечения и удаления гильз – устройство, предназначенное для извлечения гильз или патрона из патронника и удаления их из оружия;

– прицел – приспособление для возможности наведения оружия в цель и ведения прицельной стрельбы.

На практике для признания оружия огнестрельным оно должно обладать всеми вышеперечисленными критериями, а также определенными конструктивными особенностями. Для определения этих критериев и особенностей назначается и проводится баллистическая экспертиза. Так, прокуратура Верхнедвинского района поддержала государственное обвинение по уголовному делу в отношении гражданина Ф. По материалам дела, Ф. в период с 2005-го по 2018 г. незаконно приобрел пистолет конструкции Марголина «МЦМ», два пистолета конструкции Токарева образца 1930/33 гг., обрез, изготовленный самодельным способом из однозарядной винтовки ТОЗ-8 калибра 5,6 мм, его составные части и компоненты, боеприпасы, которые незаконно хранил по месту своего жительства и в иных законных владениях. Была проведена баллистическая экспертиза, в результате которой было установлено, что данные предметы обладают всеми свойствами, присущими огнестрельному оружию и, соответственно, являются огнестрельным оружием [4].

Огнестрельное оружие можно классифицировать по многим признакам (по длине ствола, по устройству ствола, по способу производства, по принципу разрушающего действия, по количеству вмещаемых патронов, по способу контроля, удержанию и действию, по количеству стволов и т. д.) на подклассы, роды, типы, подвиды и разновидности. Система классификаций огнестрельного оружия служит научно-теоретической базой для установления групповой принадлежности огнестрельного оружия.

В Республике Беларусь вопрос нахождения в собственности огнестрельного оружия урегулирован законодательством. Так, согласно ст. 14 Закона «Об оружии», право на приобретение гражданского оружия имеют граждане, которые постоянно проживают в Республике Беларусь и которым исполнилось 18 лет, но только после получения в органах внутренних дел разрешения на приобретение конкретного вида и типа оружия. Из этого следует, что процедура получения разрешения на приобретение огнестрельного оружия сложна и свидетельствует о том, что огнестрельное оружие не может получить обычный гражданин, не имеющий специальных теоретических знаний, практических навыков и опыта обращения с данным оружием и не имеющий специальной лицензии.

Согласно п. 302 Указа Президента № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», за исключением вышеуказанной процедуры получения права на приобретение огнестрельного оружия, в Республике Беларусь также есть еще одна процедура нахождения огнестрельного оружия в собственности, которая заключается в том, что граждане имеют право на экспонирование и коллекционирование огнестрельного оружия. Данная процедура также осуществляется лишь с момента получения лицензии на право занятия данной деятельностью. В свою очередь, лицензированием данного вида деятельности занимается Министерство внутренних дел [2].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что понятие огнестрельного оружия точно сформулировано в законодательстве и отражает основные черты и особенности огнестрельного оружия.

Правовое регулирование использования огнестрельного оружия осуществляется Законом «Об оружии», который закрепляет определенные требования к данному типу оружия, а также такими актами, как Указ «О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь», Указ «О некоторых вопросах оборота оружия на территории Республики Беларусь».

В Республике Беларусь иметь в собственности огнестрельное оружие могут только граждане, получившие специальное разрешение, а также граждане, имеющие лицензию на экспонирование и коллекционирование с обязательной регистрацией данного огнестрельного оружия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-З : в ред. от 02.08.2019 г. № 232-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 сент. 2010 г., № 450 : в ред. от 29.05.2021 г. № 200 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Проблема оружия в криминалистике: теоретические и практические аспекты реализации законодательства об оружии : материалы круглого стола, Санкт-Петербург, 23–25 июня 1994 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; В. М. Плескачевский. – СПб., 1994. – 121 с.

4. За незаконный оборот оружия и наркотиков – 13 лет лишения свободы. Приговор вступил в законную силу [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – Режим доступа: <http://surl.li/atrru>. – Дата доступа: 15.11.2021.

К содержанию

УДК 343.9

А. А. СОЛОВЬЁВА

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Научный руководитель – Т. В. Ковчун, магистр юрид. наук,
преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ ПРЕСТУПНИЦЫ

Личность несовершеннолетних преступников имеет характерные особенности, изучение которых дает возможность выбрать наиболее целесообразные меры для исправления, индивидуальной воспитательной работы и эффективной профилактики, а также для своевременной коррекции личности подростков, характеризующихся асоциальным поведением, но еще не вставших на путь преступления [1, с. 13].

Проблема личности несовершеннолетних, непосредственно совершивших преступления, имеет актуальный характер. Это связано с тем, что преступность несовершеннолетних специфична и изменяется по количественным и качественным признакам. Так, можно отметить негативную тенденцию к увеличению числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами.

В качестве нового явления, связанного с «омоложением» преступности несовершеннолетних, выступает рост числа деяний, содержащих признаки преступлений, совершаемых лицами моложе 14 лет. При этом круг совершаемых этими лицами деяний вовсе не ограничивается правонарушениями, не представляющими большой общественной опасности

[2, с. 273]. По данным судебной статистики, в первом полугодии 2021 г. за совершение различных преступлений осуждены 369 несовершеннолетних, что на 5,4 % больше, чем в первом полугодии 2020 г., в котором осуждены 350 несовершеннолетних [3].

Для того чтобы раскрыть тему исследования, необходимо рассмотреть общее понятие личности преступника. В криминологии существуют различные подходы к определению данного понятия. На наш взгляд, наиболее полным является определение личности преступника, данное В. Г. Стаценко, который считает, что преступника необходимо рассматривать как особый тип личности: «совокупность социально-демографических, социально-психологических, нравственных и правовых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление, и влияющих на его преступное поведение. Социальная сущность личности преступника – ее общественная опасность» [4, с. 87].

Тема исследования, обусловленная общими причинами преступности, имеет свои характерные особенности. Связано это с психологическими, возрастными, половыми отличиями личности несовершеннолетней преступницы и механизмами преступного поведения, с проявлением и действием тех обстоятельств, которые способствуют совершению преступления. Также преступность несовершеннолетних лиц женского пола связана с факторами, которые относятся к различным социально-экономическим и нравственно-психологическим сферам общественной жизни.

К преступлениям, которые впоследствии ведут к повышению общественной опасности, относят занятие проституцией, алкоголизм, наркоманию, также рождение детей до достижения совершеннолетия.

К главному элементу структуры личности преступницы в данном случае относится социально-демографический признак – возраст виновной. Особенность состоит прежде всего в том, что несовершеннолетний возраст характеризуется излишней вспыльчивостью, импульсивностью, трудностью. Так, А. П. Краковский отмечает, что «даже при условии, что оказываются мальчики и девочки обладателями одной и той же особенности, проявляется эта их особенность у них далеко не в равной мере, поскольку удельный вес полового в их личности весьма велик, и как девочки и мальчики этого возраста, так и представители одного и того же пола, но находящиеся на разных возрастных уровнях, значительно отличаются друг от друга» [5, с. 177].

В силу особенностей возраста девочки-подростки в большей степени подвержены криминогенным воздействиям, связанным с негативными явлениями в духовно-нравственной сфере. К таким явлениям относят распространение порнографии, культ наживы в средствах массовой информации.

Важным является и тот факт, что несовершеннолетние лица, совершившие преступления, как правило, проживают с родителями. Поскольку в последние годы выражено воспитание детей-подростков в неполной семье, то типичным становится «семейное неблагополучие». Оно, в свою очередь, характеризуется недостатками воспитания, которые определяются личностными характеристиками родителей и их отношением к воспитательным обязанностям.

Проблема преступного поведения несовершеннолетних женского пола заключается в том, что биосоциальное свойство человека как пола оборачивается тем, что мужские свойства и образцы их преступного поведения принимаются за универсальные, а психологические и социальные особенности женщин при исследовании преступлений не учитываются. В свою очередь, это отражается на качестве предупреждения преступлений.

Особое внимание к девочкам-подросткам, которые характеризуются антисоциальным поведением, объясняется их главной биологической функцией. Так как они будущие матери, которые передают общественно значимые ценности последующим поколениям и тем самым влияют на судьбу своих детей, то преступность несовершеннолетней остается одной из наиболее острых проблем общества и государства в целом.

Ко второму элементу структуры личности указанной категории лиц относятся нравственные свойства и психологические особенности. В данном возрасте человек как личность еще не сформировался ни физически, ни духовно, что особенно отражается на поведении подростков. Особое внимание следует уделить тому, что в данный период формируются нравственные принципы, мировоззрение, система оценочных понятий и суждений.

Для эмоциональной сферы несовершеннолетней преступницы характерны лживость, ослабление чувства стыда. Нервно-психическое расстройство встречается в 3–6 раз чаще, чем у законопослушных сверстников. Данное расстройство не характеризуется стойким заболеванием, а возникает обычно после психологических травм.

Главной причиной, которая подталкивает лиц женского пола на совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте, является стремление реализации себя, проявление излишней самостоятельности. Ввиду нестабильной психики указанной категории лиц их гораздо проще склонить к совершению общественно опасного деяния.

Основной особенностью преступного поведения несовершеннолетней является предварительное планирование совершения общественно опасного деяния в отличие от несовершеннолетних лиц мужского пола.

Особенностью преступлений указанной группы лиц является также их высокая латентность, которая обуславливается рядом факторов, основными среди которых являются психологические особенности, возраст преступницы, механизм преступного поведения.

Направленность преступных действий определяется в основном против лиц женского пола, которые являются близкими людьми для несовершеннолетней преступницы.

Еще одной особенностью является узкая направленность на объект преступления, который, в свою очередь, охраняется уголовным законодательством. В последние годы наблюдается тенденция к увеличению преступлений, которые носят «мужской» характер. Например, девочки-подростки стали чаще совершать кражи, грабежи.

В силу определенных психологических особенностей общественная опасность личности преступницы, совершившей преступление в группе, выше, чем у совершившей преступление в одиночку, т. е. в настоящее время преступления девочек-подростков приобретает групповой характер.

Подводя итог работы, можно сделать следующий вывод: преступность несовершеннолетних лиц является крайне негативным явлением для общества в целом. Поскольку наиболее криминогенным фактором, провоцирующим совершение общественно опасного деяния несовершеннолетних преступниц, является неблагополучная семья, то защита семьи и детей должна рассматриваться в качестве одной из приоритетных задач общества и государства.

Причинный комплекс, особенности личности, преступности несовершеннолетних женского пола обуславливают и специфику мер принуждения преступности поведения. Для наиболее эффективного воздействия на преступное поведение несовершеннолетней преступницы необходимо использовать как традиционные формы и методы профилактики, так и внедрение новых с учетом особенностей ее личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильяшенко, А. Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды) : монография / А. Н. Ильяшенко. – М. : ВНИИ МВД России, 2001. – 86 с.

2. Шиханцов, Г. Г. Криминология : учебник / Г. Г. Шиханцов. – Минск : Новое знание, 2016. – 316 с.

3. Данные судебной статистики за 1 полугодие 2021 года об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/887b89abc7244ec4.html. – Дата доступа: 07.12.2021.

4. Стаценко, В. Г. Криминология : учеб. пособие / В. Г. Стаценко. – Минск : Амалфея, 2011. – 336 с.

5. Краковский, А. П. О подростках (содержание возрастного, полового и типологического в личности младшего и старшего подростка) / А. П. Краковский. – М. : Педагогика, 1970. – 272 с.

К содержанию

УДК 343

М. П. ШАКУНОВА

Брест, ЧУО «Колледж бизнеса и права» Брестский филиал

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕЙСЯ В СОСТОЯНИИ БЕРЕМЕННОСТИ

Группу преступлений против жизни объединяет единый непосредственный объект – жизнь человека. Одним из квалифицирующих признаков умышленного причинения смерти другому человеку является его совершение в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Повышенная общественная опасность убийства заведомо беременной женщины обусловлена более высокой социальной сущностью объекта посягательства и уже отражена при регламентации соответствующего состава в рамках действующего уголовного закона. Также следует отметить, что при совершении рассматриваемого преступления сам плод для виновного не представляет отдельного особого интереса, не является специальным элементом объекта посягательства.

Исходя из возможных негативных последствий, умысел виновного направлен именно на причинение смерти самой беременной женщины в связи с ее особым состоянием на данный момент. Одновременно происходит посягательство на жизнь беременной женщины и на жизнь будущего ребенка (плода).

А. Н. Попов отмечает, что деяния виновного будут квалифицироваться по последствиям, наступившим исключительно в отношении матери ребенка, при этом абсолютно не принимаются во внимание последствия в отношении плода [1].

Однозначного мнения по поводу признания эмбриона на определенном сроке беременности ребенком не существует. Также срок беременности и жизнеспособность плода не влияют на квалификацию убийства. Внутриутробный эмбрион рассматривается в качестве физиологической

части организма, которым женщина вправе распоряжаться по своему усмотрению. Безусловно, изменения в уголовно-правовой охране эмбриона и родившегося человека неизбежно поставят вопрос о правовом статусе искусственного прерывания беременности и его разграничении с убийством.

С. В. Позднышев отмечал, что «наиболее убедительным доказательством жизни новорожденного является дыхание. Однако возможны случаи, когда дитя еще не дышало, но уже жило через кровообращение» [5].

Новорожденный должен иметь признаки живорождения (дыхание, сердцебиение и др.). Таким образом, законодатель связывает момент начала жизни человека с моментом рождения. Рождение представляет собой не одномоментный акт, а длящийся во времени процесс. Господствующим в настоящее время является мнение, согласно которому жизнь человека начинается с момента начала физиологических родов. Считаю допустимой точку зрения о выделении дополнительного объекта – жизни плода.

Убийство заведомо для виновного беременной женщины представляет собой квалифицированный вид этого преступления, так как при совершении такого деяния фактически лишается жизни не только потерпевшая, но и одновременно уничтожается зародыш будущей человеческой жизни. Необходимо отметить, что регламентация признака заведомости в уголовном законе обусловлена прежде всего требованиями принципов вины и справедливости, направлена на назначение обоснованного наказания и недопущение объективного вменения.

Для квалификации по п. 3 ч. 2 ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) необходимо, чтобы виновный знал о беременности потерпевшей. Источник осведомленности о состоянии беременности потерпевшей не имеет значения для применения п. 3 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь. Не имеет правового значения при оценке содеянного намерение женщины родить ребенка или избавиться от него путем искусственного прерывания беременности.

Убийство заведомо беременной женщины не может квалифицироваться по п. 3 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь, если оно совершено при обстоятельствах, указанных в ст. 141–143 УК Республики Беларусь [4]. Разумеется, за исключением случаев, когда изначально виновный желал совершить простое убийство (ч. 1 ст. 139 УК Республики Беларусь), а в процессе соответствующих действий он осознал наличие состояния беременности потерпевшей (по явным физиологическим признакам, из медицинской справки), но тем не менее завершил начатое.

Для квалификации по п. 3 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь необходимо, чтобы виновный знал о беременности потерпевшей.

Затруднения вызывают случаи фактической ошибки относительно объекта посягательства. Такие ситуации, при которых виновный заведомо

предполагает о беременности женщины и убивает ее, впоследствии становится известно, что потерпевшая не была беременна. Если виновный убил потерпевшую, ошибочно полагая, что она беременна, то ответственность наступает по ч. 1 ст. 14 и п. 3 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь. Источник осведомленности о состоянии беременности потерпевшей не имеет значения для применения п. 3 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь. Мотивы убийства для такой квалификации значения не имеют [2].

По мнению отдельных исследователей, при таком подходе виновному инкриминируетсяотягчающее обстоятельство, которое в действительности отсутствует, что, в свою очередь, нарушает и требования принципов уголовного закона, и соответствующие правила квалификации.

Сторонники анализируемого подхода считают, что ключевым моментом квалификации является в данном случае признак заведомости намерения вне зависимости от достижения поставленного результата [3, с. 566].

На мой взгляд, наиболее верно и полно охватывается умысел и деяние субъекта преступления по совокупности ч. 1 ст. 14 и п. 3 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь. Умысел является определяющим фактором.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемы квалификации убийства беременной женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-ubiystva-zhenschiny-zavedomo-dlya-vinovnogo-nahodyascheysya-v-sostoyanii-beremennosti/viewer>. – Дата доступа: 14.11.2021.

2. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bypravo.ru/postatejnyj-kommentarij-k-ugolovnomu-kodeksu-respubliki-belarus-osobennaya-chast-razdel-vii-prestupleniya-protiv-cheloveka-glava-19-prestupleniya-protiv-zhizni-i-zdorovya-stati-139-146/>. – Дата доступа: 14.11.2021.

3. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб., 2008. – Т. 2 : Преступления против личности. – 986 с.

4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г., № 9. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/115898/1/УБИЙСТВО%20КВАЛИФИЦИРОВАННОЕ.pdf>. – Дата доступа: 14.11.2021.

5. Голенко, Д. В. Преступления против жизни и здоровья [Электронный ресурс] / Д. В. Голенко. – Режим доступа: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Prestupleniya-protiv-zhizni-i-zdorovya-Elektronnyi-resurs-uchebposobie81115/1>. – Дата доступа: 14.11.2021.

К содержанию

УДК 343

К. В. ШАХАЛЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. В. Романюк, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛУЖБ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

На сегодняшний день использование собак в служебной деятельности занимает достойное место среди средств, применяемых для обеспечения правоохранительной деятельности.

Собаки могут использоваться для досмотра транспортных средств, патрулирования внутренних запретных зон охраняемых объектов, розыска и задержания бежавших из-под охраны лиц, поиска и обнаружения наркотических средств и психотропных веществ, взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов, участия в оперативно-розыскных мероприятиях [1].

Известно, что обонятельные возможности собак при раскрытии и расследовании правонарушений начали использовать еще в конце XIX – начале XX в. Впервые собака была применена в полицейской практике еще в 1816 г. шотландским полицейским графства Аберлин Малкомом-Гиллеспи для поимки контрабандистов. Уже существовавший в Западной Европе положительный опыт использования собак в правоохранительных целях был изучен, заимствован и применен на территории Российской империи [2].

Одной из первых использовать служебных собак начала Дворцовая полиция Российской империи. В 1907 г. ее представитель Е. Аспольм приобрел в Германии шесть собак. После этого приобретения с 24 декабря 1907 г. в Петергофе был открыт первый питомник служебных собак. 23 сентября 1908 г. в Петербурге было создано Российское общество поощрения применения собак в полицейской и сторожевой службе, которое вскоре стало издавать журнал «Полицейская и военно-сторожевая собака». 21 июня 1909 г. в Санкт-Петербурге при Российском обществе поощрения собак к полицейской и сторожевой службе состоялось открытие питомника полицейских сыскных собак.

Активное приобретение и применение собак-ищеек в регионах началось после того, как 18 мая 1910 г. Департамент полиции направил губернаторам циркуляр, в котором указывалось на желательность наличия собак в сыскных отделениях [2]. Повсеместно в губернских городах Российской империи начали создаваться специальные питомники. В 1911 г. на белорусских землях дрессированные собаки-ищейки использовались в поли-

цейских управлениях г. Минска и г. Гродно, в 1912 г. полицейские собаки использовались в Могилевской губернии, в 1913 г. были заведены в Виленской и Сувалковской губерниях.

С 1911 г. жандармские полицейские управления железных дорог все более активно начинают использовать собак. Как правило, они приобретались за счет местных администраций или управлений железных дорог. Например, в 1914 г. управление Полесских железных дорог закупило четыре собаки-ищейки и передало их в распоряжение Виленского управления. Питомник находился на станции Ляховичи в ведении начальника Барановичского жандармского отделения [3].

После освобождения в 1920 г. Минска от польских войск и повторного провозглашения ССРБ в подчинение созданного уголовного розыска перешел существовавший в городе питомник. В конце 1921 г. при отделе уголовного розыска управления милиции НКВД РСФСР был организован сначала Центральный питомник служебных и розыскных собак, а позже аналогичные питомники стали создаваться в регионах. В январе 1925 г. функционировали питомники в Борисове, Могилеве и Бобруйске. В 1925–1926 гг. аналогичные питомники были открыты в других окружных городах [2]. С момента создания при отделе уголовного розыска питомника до 1927 г. в 105 случаях собаки привлекались на место происшествия для поиска преступников; в 35 % случаев их применение давало положительный результат: совершившие преступления лица были установлены.

Целенаправленное использование служебных собак в государственной охране началось в 1960 г. после создания комендатур 1-го отдела 9-го управления КГБ при Совете Министров СССР. Сотрудники охраны, которые несли службу с собаками, именовались проводниками служебно-розыскных собак. В марте 1987 г. в отделе службы и боевой подготовки 9-го управления КГБ СССР была создана служба собак, в которую входили начальник и два офицера службы собак отдела службы и боевой подготовки.

Опыт использования собак в правоохранительной деятельности за эти периоды послужил основой для зарождения и развития кинологии уже суверенной Беларуси.

В 1993 г. была создана 1-я военная школа младших специалистов (служебного собаководства) – ныне кинологический центр Вооруженных Сил Республики Беларусь с местом дислокации г. Крупки Минской области. Задачей центра является подготовка специалистов служебного собаководства и служебных собак по различным видам служб: минно-розыскной, поисково-спасательной, розыскной, в том числе для розыска оружия, наркотиков и взрывчатых веществ, караульной, патрульной и др.

Собаки активно используются для охраны границ и выявления правонарушений в данной сфере. В настоящее время действует кинологиче-

ский центр органов пограничной службы Сморгонской пограничной группы. Центр взаимодействует с кинологическими объединениями, клубами, участвует в международных и республиканских соревнованиях, семинарах по розыскной, специальной и защитно-караульной службе, конференциях по вопросам кинологии.

Таким образом, впервые использование собак в правоохранительной деятельности на территории Беларуси было осуществлено в начале XX в. Положительный опыт применения собак в данных целях был в последующем перенят органами внутренних дел советского государства, а затем послужил основой для развития кинологических служб в современной Беларуси. Так, в настоящее время, несмотря на значительное развитие специальных технических средств, служебные собаки по-прежнему активно используются в правоохранительной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахова, Л. А. Кинолог – интересная и нужная профессия [Электронный ресурс] / Л. А. Астахова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinolog-interesnaya-i-nuzhnaya-professiya/viewer>. – Дата доступа: 13.11.2021.

2. Мурашко, А. И. Зарождение кинологической службы уголовного розыска Республики Беларусь / А. И. Мурашко, А. С. Жмуровский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2019. – № 1 (37). – С. 198–201.

3. Мурашко, А. И. К истории кинологической службы: использование собак в служебной деятельности железнодорожных жандармов Российской империи / А. И. Мурашко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2019. – № 2. – С. 238–242.

К содержанию

УДК 343

Д. Т. ШОСТАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Ж. А. Луцевич, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ

Согласно ч. 2 ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите жизни,

здоровья, собственности, жилища, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны [1]. Институт необходимой обороны известен достаточно давно и существует в уголовном праве многих государств.

В Республике Беларусь норма уголовного права о необходимой обороне прямо вытекает из положения Конституции Республики Беларусь о защите жизни человека «от любых противоправных посягательств» (ст. 24) [2]. Это право гарантируется государством. Как следствие, каждый гражданин имеет право на самостоятельную защиту от общественно опасного посягательства.

Сама статья о необходимой обороне (ст. 34) закреплена в гл. 6 «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния» УК Республики Беларусь и является первой статьей в указанной главе [1], что подчеркивает значимость необходимой обороны. Возможность активного осуществления гражданами права на необходимую оборону имеет огромное значение для обеспечения эффективной борьбы с преступностью. Осознание факта возможности получить сопротивление со стороны не только правоохранительных органов, но и граждан оказывает сдерживающее воздействие на многих преступников. Когда существует реальная возможность получить телесные повреждения (в том числе и смертельные) в результате оборонительных действий граждан, а не только предстать перед судом, расчеты посягающих на безнаказанность значительно уменьшаются [3, с. 368–369].

Когда для граждан, в том числе потерпевших, необходимая оборона является правом, пользоваться которым или не пользоваться они решают сами, то для сотрудников правоохранительных органов – это служебная обязанность. В первую очередь речь идет о сотрудниках органов внутренних дел, призванных осуществлять возложенные на них функции по охране общественного порядка и защите жизни и здоровья граждан, права собственности, других непосредственных объектов уголовно-правовой охраны от общественно опасных посягательств. Согласно действующему законодательству, сотрудники правоохранительных органов обязаны обеспечивать общественный порядок, безопасность личности, общества и государства. В противном случае уклонение от выполнения служебной обязанности по пресечению или предотвращению общественно опасного посягательства может явиться основанием для привлечения сотрудников к юридической ответственности, в том числе уголовной [4].

В условиях необходимой обороны посягающий не всегда обязан быть субъектом преступления. Право на необходимую оборону возникает

даже при нападении на потерпевшего животного, если оно было использовано человеком в качестве орудия преступления. Однако при нападении на человека неконтролируемого животного допустимость причинения ему вреда оценивается по правилам крайней необходимости [3, с. 374].

Институт необходимой обороны содержится во всех современных уголовных законодательствах зарубежных стран, однако формулировка понятия может отличаться. Например, в Уголовном кодексе штата Техас положение о необходимой обороне содержится в разделах «С» («Защита лиц») и «D» («Защита имущества»). В разделе 3 Примерного уголовного кодекса США «Общие принципы признания поведения правомерным» предусмотрена «защита» как правомерное деяние. В Уголовном кодексе Австралии необходимая оборона именуется как «самозащита». Данные положения закреплены в разделе 10 «Обстоятельства, связанные с определенными внешними факторами». В Японии, где по сравнению с иными государствами относительно благополучная криминогенная ситуация, обстоятельством, исключающим образование состава преступления, является правомерная оборона. Несмотря на отличия юридических формулировок, суть необходимой обороны остается одной и той же. Согласно ч. 5 ст. 36 Уголовного кодекса Украины 2001 г., «не является превышением пределов необходимой обороны и не влечет уголовной ответственности применение оружия или любых других средств или предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного вторжения в жилище или иное помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему» [Цит. по: 5]. В большинстве случаев обороняющийся не имеет возможности вовремя определить намерения посягающего(-их) при возникшей угрозе со стороны вооруженного лица, группы лиц и противоправного насильственного вторжения в жилище или иное помещение, при этом одним из условий необходимой обороны является соответствие защиты опасности посягательства [3, с. 374]. С целью защиты прав обороняющегося и предоставления последнему большей свободы в защите его личных прав стоит рассмотреть вопрос о добавлении в ст. 34 УК Республики Беларусь пятой части, идентичной в формулировке с вышеуказанной ч. 5 ст. 36 Уголовного кодекса Украины 2001 г.

Стоит отметить, что до 1958 г. в уголовном законодательстве СССР пределы допустимости необходимой обороны не предусматривались, как и не указывались признаки, по которым можно было бы сделать вывод о правомерности необходимой обороны либо ее превышении. В связи с этим данный вопрос решался в судебной практике отдельно по каждому конкретному уголовному делу [5].

Как сообщает Министерство внутренних дел Республики Беларусь, в 2016 г. из 92 943 зарегистрированных преступлений 8877 случаев были тяжкими (9,5 % от общего количества), по сравнению с предыдущим отчетным периодом отмечен рост на 6,0 %. Так, количество убийств и покушений на убийство в стране увеличилось на 3,3 %. В связи с этим право граждан на защиту от общественно опасного посягательства приобретает особую значимость и необходимость [5].

Реализация гражданами права на необходимую оборону в значительной мере сдерживается в связи с боязнью уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны. Поэтому стоит рассмотреть возможность введения четкого определения объективных и субъективных критериев отграничения необходимой обороны от неправомерных действий. На это также обращали внимание некоторые исследователи, например А. П. Дмитренко [5]. Целесообразным было бы на основании всестороннего анализа правоохранительной и судебной практики разработать и принять постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Принятие такого постановления способствовало бы единообразному толкованию норм о необходимой обороне [5].

Таким образом, можно прийти к выводу, что институт необходимой обороны в Республике Беларусь схож с иностранными институтами необходимой обороны, однако есть некоторые нюансы, отсутствующие в необходимой обороне в Республике Беларусь, которые следует рассмотреть из иностранного уголовного законодательства с целью совершенствования белорусского законодательства для предоставления больших возможностей обороняющимся. Например, добавление ч. 5 ст. 36 Уголовного кодекса Украины 2011 г. («Не является превышением пределов необходимой обороны и не влечет уголовной ответственности применение оружия или любых других средств или предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного вторжения в жилище или иное помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему»). Также имеет смысл рассмотреть возможность введения в законодательство Республики Беларусь четких критериев отграничения необходимой обороны от неправомерных действий с целью предоставления большей свободы гражданам при совершении против них противоправных действий. Например, введение при необходимой обороне прямого запрета нанесения тяжких телесных повреждений либо смерти при совершении лицом имущественных преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.09.2021 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010 . – 663 с.

4. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : принят Палатой представителей 27 июня 2007 г. : одобр. Советом Респ. 29 июня 2007 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.05.2021 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. Храмов, С. М. Законодательные основы и практика реализации права граждан на необходимую оборону [Электронный ресурс] / С. М. Храмов. – Режим доступа: [http://sudexpertiza.by/assets/files/2\(42\)/7-14.pdf](http://sudexpertiza.by/assets/files/2(42)/7-14.pdf). – Дата доступа: 08.11.2021.

К содержанию

УДК 343

Д. Т. ШОСТАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Ж. А. Луцевич, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

**РОЛЬ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В БОРЬБЕ
С КОРРУПЦИЕЙ**

Коррупция – это умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги,

покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного [1].

С момента становления Республики Беларусь независимым государством Президентом Республики Беларусь и руководством государства коррупция рассматривается как прямая угроза национальной безопасности, реализации белорусской экономической модели развития государства, поддержанию стабильности и согласия в стране. Коррупция способствует лоббированию законодательных и нормативных актов, потворствующим масштабным злоупотреблениям и преступности, дискредитирует рыночные механизмы конкуренции и борьбы с монополизмом в экономике, подрывает доверие народа к власти. Посему бескомпромиссное и решительное уничтожение коррупции является одним из центральных звеньев внутренней политики белорусского государства.

В ст. 9 Закона «О борьбе с коррупцией» при перечислении государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) прямо не указывается, однако список дополняется фразой «...а также другие государственные органы и иные организации участвуют в борьбе с коррупцией в пределах своей компетенции в соответствии с актами законодательства» [1]. При этом, согласно ст. 15 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», МВД вправе осуществлять борьбу с коррупцией [2].

В МВД главным подразделением по борьбе с коррупцией является Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией (далее – ГУБОПиК), первой обязанностью которого является противодействие коррупции в органах государственной власти и приоритетных отраслях экономики [3].

В разные временные периоды ГУБОПиК имел разные названия и не всегда противодействовал коррупции, в то время как основной его задачей всегда являлась борьба с организованной преступностью. С мая 1992 г. по сентябрь 1994 г. ГУБОПиК именовался управлением по борьбе с организованной преступностью Главного управления криминальной милиции МВД Республики Беларусь, с сентября 1994 г. по март 1997 г. – управлением по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Главного управления криминальной милиции МВД Республики Беларусь, с марта 1997 г. по июнь 2001 г. – Комитетом по организованной преступности и коррупции при МВД Республики Беларусь, с июля 2001 г. по декабрь

2003 г. – Комитетом по борьбе с организованной преступностью и коррупцией при МВД Республики Беларусь и, наконец, с января 2004 г. по настоящее время подразделение носит нынешнее название – Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД Республики Беларусь [4].

Раскрыть коррупционные преступления путем совершения только процессуальных действий практически невозможно. Эффективность их расследования обеспечивается исключительно совокупным использованием процессуальных средств, которые остаются основными и составляют содержание предварительного расследования и негласных методов выявления и фиксации преступной деятельности. При этом оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие играет ведущую роль.

Согласно ст. 34 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 июля 2015 г. № 305-З, оперативный эксперимент – это вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина, в целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности [5].

Проведение оперативного эксперимента по делам о взяточничестве позволяет: зафиксировать действия преступника по непосредственному получению взятки; задержать взяточника с поличным; изъять предмет взятки, а также иные вещественные доказательства.

Легализованные в уголовный процесс результаты оперативного эксперимента составляют основу доказательственной базы и обеспечивают привлечение преступника к уголовной ответственности. Некоторые иностранные правоохранительные органы применяют флуоресцентное вещество, которое можно увидеть только при ультрафиолетовом излучении (например, надпись «Взятка», нанесенная на бумажную купюру), что позволяет сотрудникам правоохранительных органов эффективнее доказывать вину взяточника. В связи с вышеописанными фактами можно сказать, что оперативный эксперимент является одной из наиболее действенных и эффективных мер в раскрытии фактов преступления в области коррупции.

В зарубежных министерствах внутренних дел также создаются и действуют подразделения противодействия коррупции. Например, в Российской Федерации аналогом белорусского ГУБОПиК является Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ГУЭБиПК). Оно является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата Министерства внутренних дел Россий-

ской Федерации. Основными функциями ГУЭБиПК являются: обеспечение экономической безопасности и осуществление борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности, в том числе совершенными организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), носящими транснациональный или межрегиональный характер, либо вызывающими большой общественный резонанс; осуществление мероприятий, направленных на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, подрыв экономических основ организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), борьбу с преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности и фальшивомонетничеством; документирование преступлений экономической и коррупционной направленности [6].

Функции белорусского ГУБОПиК шире: пресечение и раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений общекриминальной и экономической направленности, совершаемых организованными группами, пресечение террористических и экстремистских проявлений; установление и ликвидация каналов незаконной миграции, а также выявление и пресечение иных преступлений, совершаемых членами организованных групп, сформированных по национальному или этническому признаку либо действующих в диаспоральных образованиях [3]. Столь сильные отличия обуславливаются тем, что ГУБОПиК осуществляет борьбу не только с коррупцией, но и с организованной преступностью.

Для более эффективной борьбы с коррупцией органам, осуществляющим борьбу с коррупцией, и в частности ГУБОПиК, требуется анализировать каждый случай совершения коррупционного преступления и способы борьбы с коррупцией с целью выявления эффективных и менее эффективных способов предотвращения коррупционных преступлений. Имеет смысл постоянно совершенствовать процедуры оперативно-розыскных мероприятий, и в частности оперативного эксперимента, основываясь на достижениях технического прогресса.

Исходя из вышеперечисленных фактов, можно сделать вывод, что борьба с коррупцией в Республике Беларусь является одной из первоочередных задач для государства и МВД играет важную роль в решении данной проблемы. Главное подразделение МВД по борьбе с коррупцией – ГУБОПиК – прошло длительный путь развития в качестве подразделения МВД. Эффективность борьбы с коррупцией можно повысить путем внедрения новейших достижений научно-технического прогресса в работу ГУБОПиК и путем детального анализа каждого случая совершения коррупционных преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З : принят Палатой представителей 26 июня 2015 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2015 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : принят Палатой представителей 27 июня 2007 г. : одобр. Советом Респ. 29 июня 2007 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.05.2021 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/glavnoe-upravlenie-po-bor-be-s-organizovannoj-prestupnost-yu-i-korruptsiej>. – Дата доступа: 12.11.2021.

4. История Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/glavnoe-upravlenie-po-bor-be-s-organizovannoj-prestupnost-yu-i-korruptsiej/istoriya-gubopik>. – Дата доступа: 12.11.2021.

5. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З : принят Палатой представителей 26 июня 2015 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2015 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jeconomicheskoi_bezopasnosti_i_protivodejstviya_korruptsiji. – Дата доступа: 13.11.2021.

К содержанию

РАЗДЕЛ 2
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.982.9

М. А. ГАЛЬМУКОВ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. В. Романюк, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЗАПАХОВЫХ СЛЕДОВ

Среди задач, которые решает криминалистика, наиболее важной была и остается задача поиска и внедрения новых методов криминалистической идентификации, и конечно идентификации человека, на основе использования и привлечения современных достижений науки и техники. Примером может послужить история, когда на рубеже второй половины XX в. на основе научных открытий в сфере биологии криминалисты довольно успешно решили проблему использования запаха человека для его идентификации в процессе раскрытия и расследования различных видов преступлений [1, с. 331].

Накопление необходимого опыта и знаний, получение различных достижений и открытий в биологической науке привели к тому, что ученые-криминалисты сформировали новую отрасль криминалистической техники, которую впоследствии стали именовать криминалистической одорологией, что в переводе означает 'учение о запахах'. В настоящее время криминалистическая одорология (ольфатроника) рассматривается как сформировавшееся криминалистическое учение об использовании запахов с целью установления личности и иных обстоятельств, имеющих значение для дела. По сути, это система знаний о запахах и запахоносителях и научно обоснованных приемов, технических средств и рекомендаций по обнаружению, фиксации (закреплению), изъятию и хранению запаховых следов с целью их использования в уголовном судопроизводстве [1, с. 331].

Запаховым следом можно назвать материально фиксированное отображение запаховых свойств внутреннего (субстанционального) строения вещества одного объекта (следообразующего) в виде запаховых частиц, отделившихся и перенесенных на другой (следовоспринимающий) объект, где они некоторое время сохраняются, не изменяя запахового свойства

вещества объекта, от которого они отделились. Вообще запаховые следы в следовой картине большинства преступлений несут значительный объем информации для установления лиц, причастных к преступлению. Сюда также можно отнести способ, механизм и обстановку совершения преступления. Запаховые следы зачастую наблюдаются при расследовании преступлений в продуктах таких процессов, как горение (на месте пожара, взрыва, стрельбы из огнестрельного оружия), гниение (в местах нахождения трупа), брожение (места, где хранятся некачественные продукты). Субъектами восприятия запаховых следов при совершении преступления могут быть сам преступник, потерпевшие, свидетели, о чем они могут дать показания на допросе. Следователь и участники также могут быть субъектами восприятия при производстве таких следственных действий, как осмотр трупа, места происшествия, освидетельствования, обыск, следственный эксперимент, выемка. Сам факт ощущения ими каких-либо запахов отражается в протоколе допроса. Запаховые следы, являясь по своему характеру латентными, могут быть обнаружены только при логической реконструкции произошедших на месте происшествия событий. Обнаружение запаховых следов является непростым делом. Оно требует от лица, производящего осмотр, практически моментального понимания механизма совершенного преступления и версии о том, как мог вести себя преступник. Пятно крови или кусочек человеческой кожи, например, можно обнаружить в месте, где преступнику понадобилось приложить физическую силу и, соответственно, где велика вероятность получить телесное повреждение. Также можно отметить, что на сохранность запаховых следов влияет ряд факторов, которые следует учитывать в ходе их обнаружения и изъятия, осуществляемого в рамках отдельных следственных действий (осмотра, обыска, выемки и др.) с соблюдением соответствующих процессуальных требований. Высокая температура воздуха, низкая влажность, перемещение воздушных потоков (ветер, сквозняк) способствуют быстрому улетучиванию пахучих веществ.

Существует определенная последовательность изъятия запаха. Соблюдаются необходимые меры по предупреждению повреждения носителя запахового следа, т. е. предмета, так как он может быть объектом и других экспертных исследований. Предметы оборачиваются в фольгу и отправляются в криминалистическую лабораторию. В настоящее время существует проблема невозможности либо нецелесообразности изъятия запаховых следов, в таком случае с них собирают запаховые пробы. Способы забора с помощью шприцов из воздуха либо другими всасывающими емкостями являются малоэффективными. Самым надежным, исходя из практики, является забор с помощью адсорбента, приводимого в непосредственный контакт с предметом, т. е. носителем запахового следа. Также

сюда можно включить как необходимый элементам сбора стеклянную банку с плотно прилегающей крышкой, также предметы, которые исключают «загрязнение» запаха в следе другими, посторонними запахами, в том числе лиц, работающих со следом на месте его обнаружения (пинцет, резиновые перчатки, фольга и др.). Если говорить о кинологическом подходе сбора, фиксации и исследования и приготовления одорологических объектов к исследованию, то проводникам служебно-розыскной собаки было давно известно, что при осмотрах мест происшествий их собаки обнаруживают запаховый след индивидуума человека, остающийся на вещественных доказательствах. Выяснилось, что запаховую часть потожировых следов (ПЖС) можно адсорбировать тканью из целлюлозного волокна и с собранным запахом консервировать в стеклянных, герметично закрываемых банках [2, с. 49].

Сравнительное исследование предварительно изъятых запаховых следов и сравнительных образцов осуществляется в лабораторных условиях. Операции производятся в резиновых перчатках и с использованием пинцета для захвата адсорбента. Изъятая таким образом с запахового следа проба упаковывается по общим правилам обращения с вещественными доказательствами. На прикрепляемой этикетке указывают, когда и где изъята проба, по какому делу, а также материал предмета – носителя запахового следа, время (продолжительность) проведения адсорбции. При производстве следственных действий не всегда можно изъять запаховый след с предметов, которые несут на себе одновременно и другие следы, подлежащие экспертным исследованиям (биологическим, трасологическим и др.). В таком случае изъятие запахового следа производится специалистом в лабораторных условиях с использованием особых методов, в том числе бесконтактных. Сравнительное исследование предварительно изъятых запаховых следов и сравнительных образцов осуществляется в лабораторных условиях.

Если говорить о классификации, то в зависимости от способов анализа и регистрации запахов криминалистическую одорологию разделяют на кинологическую и инструментальную. В кинологической одорологии в качестве анализатора пахучих веществ используется орган обоняния специально подготовленной служебной собаки. Например, служебно-розыскная собака может «взять» след преступника и преследовать его по запаху, содержащемуся в следах ног. Может также осуществить свободный поиск по запаховому следу предметов, принадлежащих конкретным лицам или имеющих «стандартный» запах, например поиск стреляных гильз по запаху сгоревшего пороха, поиск взрывчатых веществ, наркотических средств, трупов. В инструментальной одорологии в качестве анализатора применяются физико-химические приборы, способные

выделять спектр пахучих веществ, регистрировать его в виде ольфактограммы и детектировать с высокой чувствительностью отдельные компоненты выделений человека [2, с. 332].

На сегодняшний день одним из эффективных способов исследования запаховых следов является прибор «электронный нос». В основу данного прибора входят 32 датчика, которые состоят из специальных полимерных пленок, которые набухают в зависимости от концентрации различных пахучих компонентов в анализируемой пробе воздуха. На какой-либо конкретный запах ни один из датчиков не реагирует. И только после того, как сигнал от всех этих датчиков обрабатывает специальный микрочип, выдается обобщенный результат о наличии того или иного запаха [3, с. 103].

Уникальный биоэлектронный нос, разработкой которого занимаются российские ученые, сможет диагностировать болезни, определять свежесть продуктов и даже находить опасные вещества по запаху. Прибор состоит из микрочипов, оснащенных нанодетекторами, которые способны распознать единичный запах из газовой смеси. В дальнейшем устройство будет способно найти любые соединения. К примеру, таким биоэлектронным можно будет заменить поисковых собак, которых используют в аэропортах и на вокзалах для поиска наркотических средств и взрывчатых веществ [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что криминалистическая одорология (ольфактроника) получила широкое распространение в мире и внедрена в практику работы правоохранительных органов многих стран, как эффективный метод раскрытия и расследования преступлений, а современная ольфакторная судебная экспертиза позволяет бесспорно идентифицировать конкретное физическое лицо (индивида) по оставленным им запаховым следам. Запаховые следы имеют большое значение для расследования преступления, так как дают значительный объем информации для расследования дела. При изъятии и исследовании запаховых следов требуется правильное обращение с ними с соблюдением соответствующих процессуальных требований. Криминалистическая одорология должна развиваться в современной следственной практике в направлении использования информационных технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистика : учеб. для бакалавров / под ред. Л. В. Бертовского. – М. : РГ-Пресс, 2018. – 960 с.
2. Сулимов, К. Т. Криминалистическая одорология: кинологический подход / К. Т. Сулимов. – М. : Ин-т наследия, 2019. – 312 с.
3. Ищенко, Е. П. Криминалистика : курс лекций / Е. П. Ищенко. – М. : Юрид. фирма «Контракт» : АСТ-МОСКВА, 2007. – 416 с.

4. Известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/868612/mariia-nediuk/ostatsia-s-elektronnym-nosom-sozdan-pribor-dlia-raspoznaniia-zapakhov>. – Дата доступа: 10.11.2021.

К содержанию

УДК 343

И. А. ЗАРАНКА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ПРОВЕДЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время медиакommunikационные технологии применяются в различных сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в правовой сфере. Существует ряд международных договоров (например, Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и т. д.), которые предусматривают возможность применения в уголовном процессе систем видео-конференц-связи. В 2016 г. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) был дополнен ст. 224-1 «Проведение допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видео-конференц-связи» [1]. Как показывает практика, большинство следователей при проведении этих процессуальных действий не используют систему видео-конференц-связи. В связи с этим прослеживается необходимость рассмотрения процессуального порядка и проблемных аспектов производства указанных следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи. В ч. 4 ст. 224-1 УПК Республики Беларусь законодатель указал на то, что в ходе применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий должна обеспечиваться возможность реализации их участниками прав и исполнения обязанностей. Также должно обеспечиваться надлежащее качество звука и изображения. В этой связи относительно технологии организации видео-конференц-связи в уголовном процессе Республики Беларусь существуют две точки зрения. Так, Н. А. Суховенко настаивает на том, что недопустимо передавать видео- и аудиоинформацию по открытым сетям Интернета, что обусловлено наличием возможности нарушения конфиденциальности и достоверности передаваемой информации. При

этом он предлагает использовать отдельный канал оптоволоконной связи, в то же время отмечая высокую стоимость как оборудования, так и тарифов РУП «Белтелеком», необходимых для организации видео-конференц-связи [2, с. 155–156]. Вторую точку зрения озвучивает П. В. Гридюшко, который считает приемлемым использование в уголовном процессе свободно распространяемых программных средств, таких, например, как Skype. Относительно защиты конфиденциальности стоит отметить, что Skype использует расширенный стандарт шифрования (AES), который используется правительством США для защиты секретной информации. Поэтому все системы защиты строятся так, чтобы не сделать невозможным их взлом, а сделать его максимально дорогим [3, с. 8–9]. На наш взгляд, точка зрения П. В. Гридюшко видится более предпочтительной.

Согласно ст. 224-1 УПК Республики Беларусь, проведение допроса в режиме видео-конференц-связи допускается только в отношении потерпевшего и свидетеля, что, на наш взгляд, является спорным вопросом. Допрос, очная ставка и предъявление для опознания в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь проводится исключительно следователем. Для обеспечения проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания с использованием систем видео-конференц-связи по месту нахождения участника данного следственного действия следователь обязан направить поручение об оказании содействия в проведении следственного действия по территориальности органу дознания или следователю в порядке, предусмотренном ст. 36 или ст. 184 УПК Республики Беларусь. При этом ход и результаты допроса, очной ставки и предъявления для опознания, проведенных в режиме видео-конференц-связи, фиксируются техническими средствами с их одновременной видеозаписью должностным лицом, исполняющим поручение об оказании содействия, и отражаются им в протоколе следственного действия. Протокол подписывается участниками следственного действия и должностным лицом, исполняющим поручение об оказании содействия. Им же упаковывается и опечатывается электронный носитель информации следственного действия. После этого и протокол, и электронный носитель информации направляются следователю для приобщения к материалам уголовного дела. В то же время должностное лицо, которое оказывает содействие в проведении данных процессуальных действий с использованием системы видео-конференц-связи, является всего лишь техническим помощником. Учитывая тот факт, что срок производства неотложных следственных действий органом дознания ограничен нормой Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (лишь десять суток с момента возбуждения уголовного дела), на наш взгляд, считается неоправ-

данном ненаделение законодателем лица, производящего дознание, правом проведения данных действий. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь четко не указывает, какой объем мероприятий должен быть выполнен по месту нахождения участника следственного действия (допроса, очной ставки и предъявления для опознания) в режиме видео-конференц-связи.

Представляется, что обязанность по выполнению указанных мероприятий необходимо возложить на должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия, в связи с чем перечень мероприятий, необходимых для организации допроса, очной ставки и предъявления для опознания в режиме видео-конференц-связи, необходимо включать в поручение об оказании содействия. По нашему мнению, целесообразно внести данные дополнения в ст. 224-1 УПК Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Суховенко, Н. А. Видео-конференц-связь в уголовном процессе: технические и финансовые аспекты / Н. А. Суховенко // Современные проблемы организации расследования преступлений : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 июня 2016 г. / УО «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016. – С. 154–158.

3. Гридюшко, П. В. Использование видео-конференц-связи при расследовании уголовных дел / П. В. Гридюшко // Проблемы теории и практики предварительного расследования и использования специальных знаний в деятельности органов уголовного преследования Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 нояб. 2012 г. / УО «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – С. 8–10.

К содержанию

УДК 343.98.065

М. В. МАХЛЯНКОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. В. Романюк, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПО РАДУЖНОЙ ОБОЛОЧКЕ ГЛАЗА

Биометрические технологии – область знаний об автоматизированной идентификации человека по биометрическим персональным данным – одна из интенсивно развивающихся отраслей информационных технологий, набирающих популярность в сфере управления и осуществления контроля доступа. Биометрия представляет собой систему идентификации человека по индивидуальным и неизменным на протяжении всей его жизни поведенческим или физическим признакам.

Основная функция биометрической системы – идентификация объекта, а принцип ее функционирования основывается на этапах криминалистической идентификации. Отличием криминалистической идентификации человека от биометрической является то, что субъектом криминалистического идентификационного исследования выступает субъект уголовного судопроизводства, обладающий соответствующими специальными знаниями.

Процесс идентификации в биометрической системе проходит следующие стадии:

- создание образца из зафиксированного физического или поведенческого образа;
- фиксация образца;
- сравнение образца с объектом идентификации;
- вывод о совпадении или различии.

Объектами биометрической идентификации являются цифровые образцы (идентифицирующие объекты), хранящиеся в памяти биометрической системы, и образцы, создаваемые биометрической системой в процессе идентификации (идентифицируемые объекты).

Биометрическими образцами являются: отпечатки пальцев рук, форма кистей рук, рисунки кровеносных сосудов и сетчатки глаз, динамика выполнения подписи, идентификация голоса, признаки внешности. База биометрических образцов формируется исходя из знаний видов судебных экспертиз: дактилоскопии, трасологии, судебного почерковедения, фоноскопии.

Процесс создания образца из зафиксированного физического или поведенческого образа состоит из выделения устойчивых, идентификационно значимых общих, а затем частных признаков изучаемого объекта [1].

Наиболее распространенными в криминалистике методами идентификации являются следующие: по следу пальца рук, по ДНК, по форме лица. Данные методы универсальны, но имеют свои недостатки. Так, геномная экспертиза занимает достаточно продолжительное время и не всегда применима.

Стоит отметить, что в период пандемии обязательное ношение масок в общественных местах сделало граждан частично невидимыми для камер с системой идентификации по лицу. Идентификация же по радужной оболочке применяется очень редко, но является весьма перспективным в настоящее время криминалистическим методом.

Можно отметить, что идентификация по сетчатке глаза по природе биометрических идентификационных признаков является идентификацией по статическим признакам ввиду того, что позволяет работать с изображениями, фотоизображениями объектов или с самими объектами в натуре.

Радужная оболочка глаза – это уникальный параметр каждого человека. Радужка почти не меняется с возрастом. Считыватель, сохраняя шаблон радужки, анализирует большое количество параметров – в разы больше, чем считыватель отпечатков пальцев. Благодаря этому точность распознавания предельно высокая.

А еще это полностью бесконтактный метод – не нужно делать абсолютно никаких телодвижений, кроме как направить взгляд на считыватель. Считывателю необходимо не более трех секунд, чтобы завершить процесс идентификации.

Проанализировав процесс биометрической идентификации, можно сказать, что принцип формирования образцов для сравнительного исследования и сравнения их с объектом идентификации полностью соответствует стадии отдельного и сравнительного исследования в судебной экспертизе. Главной целью при проведении экспертизы выступает идентификация как выявление факта наличия либо отсутствия тождества объекта и следа, которое может быть доказательством по делу. В связи с этим правомерно возникает вопрос о внедрении средств биометрической идентификации в данной сфере.

В экспертных исследованиях в настоящее время для установления идентификации применяются различные методы. Их применение зависит от конкретного вида экспертного исследования, объекта исследования, поставленных задач. В связи с этим значение имеет разработка методов и процедуры применения результатов биометрической идентификации в криминалистических исследованиях.

Для того чтобы оценить практические возможности применения данного метода, необходимо выделить преимущества и недостатки метода. Преимущество сканеров для радужной оболочки состоит в том, что они

не требуют, чтобы пользователь сосредоточился на цели в момент съемки, поскольку образец пятен находится на поверхности глаза. Даже у людей с ослабленным зрением, но с неповрежденной радужной оболочкой могут сканироваться и кодироваться идентифицирующие параметры. Даже если у человека есть такое заболевание, как катаракта, то и она никак не влияет на процесс сканирования радужной оболочки [2, с. 85]. Получаемое при сканировании радужной оболочки глаза изображение зачастую оказывается намного более информативным, чем при сканировании отпечатков пальцев.

Среди преимуществ можно выделить надежность метода, поскольку захват изображения радужной оболочки можно производить на расстоянии от нескольких сантиметров до нескольких метров, при этом физический контакт человека с устройством не происходит. Также преимущество в том, что подделать идентификационные данные невозможно. Кроме индивидуального рисунка радужной оболочки глаза, глаз человека обладает уникальными отражающими характеристиками, которые формируются за счет тканей глаза и которые учитываются при считывании информации.

Кроме того, система может помочь правоохранительным органам быстро идентифицировать лиц, а также подозреваемых преступников, которые изменили внешний вид, ввиду того, что даже если подозреваемый отрастил бороду и выглядел совершенно иначе, то его глаза останутся такими же.

Однако, несмотря на все преимущества, указанный метод имеет и определенные недостатки. Так, одним из самых главных недостатков является цена системы, поскольку она значительно выше цены системы, основанной на распознавании пальца или лица. Так что основным препятствием для массового внедрения идентификации по радужке остается экономический фактор. Выпуск оборудования можно наладить где угодно – на государственных или на частных предприятиях.

Основной вопрос – это финансирование. В виде недостатка можно выделить и то, что плохая фокусировка камеры, солнечный блик и другие трудности при распознавании приводят к ошибкам в 1 % случаев.

Система идентификации личности по радужной оболочке глаза должна взаимодействовать с другими системами МВД для поиска правонарушителя. Данная система может функционировать следующим образом: будут сканировать собранные с места преступления следы – отпечатки пальцев, волосы или слюну подозреваемого. Затем данная система выдает перечень предполагаемых лиц, при необходимости эксперт-криминалист проводит дополнительную оценку. Если в системе есть необходимые данные, то на камеры с распознаванием лиц подгружается фотография, что позволит идентифицировать личность правонарушителя.

Также имеющиеся данные в таком случае должны рассылаться по ответственным сотрудникам.

В целом можно сделать вывод о том, что система идентификации личности по радужной оболочке глаза является прогрессивным шагом на пути совершенствования биометрических способов регистрации преступников. Рассматриваемый метод имеет большой потенциал развития и использования в криминалистике.

Ввиду того что рисунок радужной оболочки глаза является уникальным и не повторяется даже у близнецов, видится целесообразным применение такого метода идентификации в криминалистике. Преимуществами технологии распознавания по радужной оболочке глаза являются:

- бесконтактность;
- быстрота;
- относительно высокая точность;
- возможность работы на дальних расстояниях.

Мы полагаем, что данные, поступающие от современных систем видеонаблюдения, должны быть сведены в единую информационную систему с последовательной их обработкой программами видеоаналитики с целью решения идентификационных задач, что позволит в полной мере использовать возможности современных систем видеонаблюдения в поиске правонарушителей.

Таким образом, целесообразно создать информационную систему биометрических учетов, которая при помощи городских камер видеонаблюдения будет заниматься поиском преступников. Данная система сможет идентифицировать разыскиваемого человека по радужной оболочке глаза. Также целесообразно разработать банк биометрических данных, благодаря чему появится возможность проводить процедуру идентификации личности и неопознанных тел, помимо дактилоскопической информации, с помощью идентификации по радужной оболочке глаза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анищенко, И. А. Биометрическая идентификация в криминалистике [Электронный ресурс] / И. А. Анищенко // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Дроздов, А. В. Криминалистическая идентификация по радужной оболочке глаза / А. В. Дроздов // Вестн. Сиб. юрид. ин-та ФСКН России. – 2013. – № 1 (12). – С. 82–87.

К содержанию

УДК 343

А. В. НЕСТЕРОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. В. Романюк, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

ПРИМЕНЕНИЕ ЗВУКО- И ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Согласно требованиям Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) основным способом фиксации следственного действия является протокол следственного действия. Однако наблюдается тенденция цифровизации всех областей правовой деятельности. В условиях плавного перевода производства по уголовным делам в цифровой формат наряду с протоколом следственных действий одним из наиболее востребованных, а также достоверных средств фиксации хода и результатов следственных действий является применение звуко- и видеозаписи [1].

Несмотря на ряд явных преимуществ звуко- и видеозаписи, в современной уголовно-правовой практике отсутствует ее повсеместное применение, в том числе ввиду человеческих факторов (возможности следователя допустить при производстве следственного действия процессуальные ошибки), которые могут служить основанием для признания полученных доказательств недопустимыми при рассмотрении уголовного дела в суде.

Звуко- и видеозапись уголовно-процессуальное законодательство относит к одним из технических средств фиксации следов преступления. Следует заметить, что порядок применения данных средств при производстве следственных действий закреплен в УПК Республики Беларусь. Инициатива в применении записи может исходить как от следователя, лица, производящего дознание, так и от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля. Однако в современном уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь регламентированы только отдельные следственные действия, что вызывает вопросы, связанные с правовым основанием применения таких технических средств, а также ставит под сомнение правильность их применения.

Статья 224¹ УПК Республики Беларусь закрепляет возможность проведения допроса, очной ставки, предъявления для опознания с участием потерпевшего, свидетеля с помощью использования систем видеоконференц-связи (веб-конференции). Так, допрос потерпевшего, свидетеля, очная ставка или предъявление для опознания лиц и (или) объектов

с участием потерпевшего или свидетеля могут быть проведены дистанционно с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции) в случаях: 1) невозможности прибытия участника процесса для производства следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам; 2) необходимости обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц; 3) если потерпевший, свидетель являются несовершеннолетними; 4) необходимости обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Для обеспечения проведения следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции) по месту нахождения участника следственного действия следователь по территориальности направляет поручение об оказании содействия в проведении следственного действия [2].

Статья 219 УПК Республики Беларусь закрепляет возможность применения звуко- и видеозаписи при проведении допроса. Возможна фиксация всего хода и результатов следственного действия, воспроизведение записи допрашиваемому по его ходатайству и т. д. [2].

Часть 4 ст. 221 УПК Республики Беларусь предусматривает, что применение звуко- и видеозаписи обязательно в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет, за исключением случаев, когда несовершеннолетние потерпевший или свидетель, их законные представители возражают против этого, случаев, не терпящих отлагательства, случаев отсутствия технической возможности применения звуко- и видеозаписи [2].

Статья 202 УПК Республики Беларусь закрепляет общее правило производства следственных действий. Так, в случаях, предусмотренных УПК Республики Беларусь, следственные действия производятся с участием не менее двух понятых. В случаях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии реальной возможности обеспечить участие понятых следственное действие производится с применением звуко- и видеозаписи в случаях и порядке, предусмотренных УПК Республики Беларусь. Статья 202¹ УПК Республики Беларусь регламентирует применение звуко- и видеозаписи при производстве следственных действий без участия понятых [2].

Таким образом, в целях повышения эффективности работы следователя, процессуальной экономии применение данных видов информационных технологий является целесообразным решением [1].

Законодательство Республики Беларусь в данной области развивается и дополняется достаточно быстро, о чем свидетельствуют недавние изменения УПК Республики Беларусь, а именно дополнение процессуального законодательства нормой об обязательном применении звуко- и видеозаписи в ходе следственных действий с участием несовершеннолет-

него потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет, за исключением случаев, когда несовершеннолетние потерпевший или свидетель, их законные представители возражают против этого, случаев, не терпящих отлагательства, случаев отсутствия технической возможности применения звуко- и видеозаписи (ч. 4 ст. 221 УПК Республики Беларусь).

Таким образом, рассуждая на тему правовых оснований применения звуко- и видеозаписи при проведении следственных действий, можно говорить о частичной регламентации данного процесса в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь.

Следует заметить, что данный аспект в современном законодательстве Республики Беларусь требует совершенствования и более детальной проработки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. А. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; УО «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2019. – 1230 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

УДК 343

А. О. РУДАЯ, К. А. ЯРОШКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. В. Романюк, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Преступность несовершеннолетних представляет собой часть общей преступности, включающую в себя совокупность преступлений, совершаемых лицами в возрасте от 14 до 18 лет.

Особенности расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в большинстве случаев основываются на данных о психологических особенностях несовершеннолетнего лица. Такие данные

используются и учитываются при расследовании преступлений, тем самым имеют криминалистическое значение [1, с. 62].

Психологические процессы несовершеннолетних существенно отличаются от психологических особенностей взрослых. Так как особенности расследования во многом определяются спецификой психологии подростка, следует более подробно остановиться на характеристике психологической стороны несовершеннолетнего преступника.

Как правило, в возрасте от 14 до 18 лет начинают формироваться новые психологические качества личности. К лицам в таком возрасте уже предъявляются более высокие требования относительно самостоятельности. Стремление несовершеннолетнего к самостоятельности говорит о положительном примере в семье, предполагает наличие в близком окружении авторитетного человека, с которого он бы мог взять пример.

В случае если семья постоянно работает, безразлично относится к жизнедеятельности ребенка, несовершеннолетний начинает поиски авторитетного лица уже вне семейного круга. Поэтому именно безнадзорность является одной из основных причин попадания в антиобщественную среду, попав в которую несовершеннолетний начинает копировать отрицательное поведение, которое, на его взгляд, делает его «взрослым» и «самостоятельным». Стремление подростка проявить такую самостоятельность зачастую является причиной совершения преступных деяний.

Следственная практика показывает наиболее распространенные способы вовлечения подростка в преступную среду, а именно: предложения, просьбы, уговоры, обман, угрозы, физическое насилие [1, с. 62].

В подростковом возрасте несовершеннолетний, пытаясь доказать, что он уже достаточно взрослый, пытается самостоятельно решать возникшие перед ним проблемы. Также стремится показать свои способности и возможности перед своими сверстниками и тем самым завоевать авторитет. Достижение этих целей ведет к отрицательному способу поведения, вплоть до утверждения своей личности путем хулиганства. При этом несовершеннолетний не задумывается о последствиях своих действий.

К возрастным особенностям психологии несовершеннолетнего относятся: непоследовательность, противоположность чувств и побуждений, импульсивность, совокупность когнитивного восприятия и черствости, жестокости и холодности, завышенной самооценки и неуверенности в себе, неприятие общепринятых норм поведения и подчинение себя случайным «кумирам», неспособность к принятию осознанных решений, упрямство [2, с. 115].

В оптимальных условиях воспитания указанные особенности несовершеннолетних могут быть компенсированы соответствующей социально положительной деятельностью. В неблагоприятных социальных условиях

эти особенности оказывают губительное действие, приобретают негативную направленность.

В научной литературе выделяют ряд поведенческих стереотипов, которые характерны для личности несовершеннолетнего:

1. Реакция оппозиции. Такая реакция вызывается завышенными претензиями к деятельности и поведению несовершеннолетнего, чрезмерными ограничениями, пренебрежением к его интересам со стороны окружающих взрослых. Реакции такого типа могут проявляться в прогулах занятий в школе, употреблении алкоголя, побегах из дома, а иногда и в антиобщественных действиях.

2. Реакция имитации. Проявляется в подражании конкретному лицу, образцу. Иногда образцом может стать и антисоциальный персонаж.

3. Реакция отрицательной имитации – поведение, преднамеренно противопоставленное навязываемой модели.

4. Реакция компенсации – восполнение неудач в одной области подчеркнутым триумфом в другой. Например, неуспехи в учебе могут компенсироваться «смелым» или агрессивным поведением.

5. Реакция гиперкомпенсации – упорное стремление к успеху в наиболее сложной для себя области деятельности. Свойственная несовершеннолетнему застенчивость может подтолкнуть его к безрассудному поведению, к вызывающему поступку. Например, крайне восприимчивый и робкий подросток выбирает мужественный вид спорта (единоборства, карате и т. п.).

6. Реакция эмансипации – стремление освободиться из-под опеки старших, самоутвердиться. Крайнее проявление – отрицание стандартов, общепринятых ценностей, норм закона, бродяжничество.

7. Реакция группирования – объединение в группы сверстников. Подростковые группы отличаются однородной направленностью, территориальной общностью, борьбой за превосходство над своей территорией, например во дворе, на своей улице [2, с. 115].

Таким образом, следует отметить, что преступность несовершеннолетних определяется психологическими особенностями личности преступника, что имеет важное криминалистическое значение при расследовании преступлений. Личность несовершеннолетнего преступника отличается несформированностью своих идеалов и целей, а также восприимчивостью к влиянию окружения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамайчук, И. И. Психологические аспекты следственных действий с участием несовершеннолетних : учеб. пособие / И. И. Мамайчук. – СПб. : Ин-т повышения квалификации прокурор.-следств. работников Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 1994.

2. Агрессия и психическое здоровье / Т. Б. Дмитриева [и др.] ; под ред. Т. Б. Дмитриевой и Б. В. Шостаковича. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 115–116.

К содержанию

УДК 347.61

А. Г. ТУМА

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Научный руководитель – М. Г. Жук, канд. юрид. наук, доцент

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Данная статья посвящена противодействию правонарушений несовершеннолетними и мерам борьбы с данной проблемой в Республике Беларусь. Рассматриваются полномочия органов прокуратуры Республики Беларусь в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних. Определяется роль органов прокуратуры в государственно-правовом механизме противодействия в данной области.

Особое место в системе органов государственной власти Республики Беларусь занимают органы прокуратуры. Прокуратура в Республике Беларусь – это система органов, на которые Конституцией Республики Беларусь возложено осуществление особой формы государственной деятельности – надзор за точным и единообразным исполнением законов [1, с. 78]. Правовую основу деятельности прокуратуры составляют Конституция Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» и другие нормативные правовые акты, которые и определяют деятельность и полномочия прокуратуры и ее работников.

Одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры является надзор за исполнением законов о несовершеннолетних в рамках Закона Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 31 мая 2003 г. № 200-З. В соответствии со ст. 11 данного Закона, надзор за точным и единообразным исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних должностными лицами и гражданами осуществляют Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры в пределах их компетенции. Проблема организации прокурорского надзора в сфере защиты прав несовершенно-

летних носит многогранный характер. Многие ее аспекты детально изучаются учеными в рамках развития отдельных направлений. Прежде всего нельзя не согласиться с позицией А. А. Алексеева о функции прокуратуры в сфере предупреждения преступлений: «Прокуратура – важнейшее звено правоохраны, которой изначально присуща функция предупреждения преступлений. Достижению целей предупреждения преступлений должны способствовать в той или иной мере все направления деятельности прокуратуры, предусмотренные законодательством» [2, с. 19]. При этом важную функцию выполняет прокурорский надзор. По этому поводу Ю. Е. Винокуров утверждает, что «прокурорский надзор – это деятельность государственных органов прокуратуры, осуществляемая от имени государства и состоящая в проверке точности соблюдения Конституции и исполнения законов, действующих на территории данного государства» [3, с. 11]. Следовательно, прокуратура выполняет возложенные на нее функции через систему прокурорского надзора. В. И. Рохлин и А. В. Чурилов заостряют внимание не только на правозащитной функции прокуратуры, но и на исследовании проблемы надзора за соблюдением законов о несовершеннолетних [4; 5].

Органы прокуратуры занимают чрезвычайно важное положение в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних представляет собой самостоятельное направление деятельности органов прокуратуры, охватывает самый широкий спектр работы прокурора и призван обеспечить реальное исполнение законодательства об охране прав и законных интересов несовершеннолетних, профилактики преступлений и правонарушений несовершеннолетних.

По данным судебной статистики, в 2020 г. за совершение различных преступлений осуждено 605 несовершеннолетних (в 2019 г. – 727, т. е. судимость несовершеннолетних уменьшилась на 16,8 %), причем 157 из них совершили преступления, находясь в состоянии алкогольного опьянения (в 2019 г. – 135), 11 – в состоянии наркотического опьянения (в 2019 г. – 16). На сегодняшний день количество правонарушений, совершенных лицами, не достигшими 18-летнего возраста, находится на высоком уровне. Данный факт свидетельствует о том, что необходимо предпринимать конкретные меры по борьбе с правонарушениями данной категории. Задачи органов прокуратуры состоят в том, чтобы, осуществляя надзор за точным и единообразным исполнением законов, наиболее полно обеспечить гарантии прав и законных интересов несовершеннолетних, улучшение работы по борьбе с преступностью и правонарушениями, выявление причин и условий, им способствующих, с тем, чтобы каждый отступившийся подросток смог достойно вернуться в гражданское общество.

Профилактике правонарушений несовершеннолетних со стороны прокуратуры всегда придавалось большое значение. Для достижения снижения уровня правонарушений эта работа должна была осуществляться гласно, своевременно и заключалась в информировании общественности, трудовых и учебных коллективов о существе и характере решаемых прокуратурой проблем со всеми их сложностями и противоречиями. Основная цель – формирование уважительного отношения к закону и его требованиям, мобилизация усилий организаций и граждан в деле нравственного воспитания несовершеннолетних и молодежи. В данном законе есть перечень мер, осуществляемых уполномоченными органами, участвующими в профилактике правонарушений несовершеннолетними. Но, как и за любой другой нормой права, здесь требуется контроль за ее исполнением, таким органом и выступает орган надзора за исполнением законов на территории Республики Беларусь – Прокуратура Республики Беларусь.

В целях снижения роста подростковой преступности, проведения индивидуальной профилактической работы основные усилия при прокурорском надзоре сосредоточены на следующих направлениях: 1) расширение связей с общественностью, трудовыми коллективами, государственными органами, молодежными организациями; 2) активизация индивидуальной профилактической работы во взаимодействии с учреждением здравоохранения, учреждениями образования, комиссией по делам несовершеннолетних администрации соответствующего района по предупреждению пьянства, наркомании и токсикомании в подростковой среде; 3) профилактическая работа с незанятыми несовершеннолетними, неблагополучными семьями, лицами, состоящими на учете в инспекции по делам несовершеннолетних соответствующего района, организация досуга, занятости несовершеннолетних, выявление и разобшение групп несовершеннолетних антиобщественной направленности [6].

Анализируя причины и условия совершения преступлений несовершеннолетними, прокуратура выявляет слабые стороны в профилактике преступлений. При этом очень важным является обязательное комплексное изучение и анализ проблемы на ранней стадии профилактики правонарушений несовершеннолетних. В целях профилактического воздействия прокурор может использовать самые разнообразные формы, такие как правовое просвещение, правовое информирование, профилактическая беседа, объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, и т. д.

Для эффективной борьбы с ростом подростковой преступности необходимо содействие органов, осуществляющих данную борьбу, и в обязательном порядке функционирование должно происходить в соответствии с действующим законодательством. В целях защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, прокурорами осуществляется мониторинг сайтов в сети Интернет. Задача прокуратуры заключается в осуществлении надзора за точным и единообразным исполнением законодательства, обеспечении гарантий прав и законных интересов несовершеннолетних, улучшении работы по борьбе с преступностью и правонарушениями, выявлении причин и условий, им способствующих. Эффективность прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних следует определять через систему факторов и критериев оценки прокурорской деятельности. К факторам, по мнению профессора А. Ю. Винокурова, следует отнести: 1) факторы, оказывающие влияние на эффективность управления в прокуратуре; 2) факторы, оказывающие влияние на эффективность организации работы в органах прокуратуры; 3) факторы, оказывающие влияние на эффективность реализации функций и иных направлений деятельности прокуратуры [7, с. 16, 37–38]. В связи с этим представляется целесообразным Закон о прокуратуре дополнить новой главой «Надзор за исполнением законов о несовершеннолетних», в которую включить нормы о предмете надзора, пределах надзора, полномочиях прокурора, актах прокурорского надзора.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что надзор за соблюдением законов о несовершеннолетних является одним из важных направлений в деятельности органов прокуратуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп. : принята на респ. референдуме 24 нояб. 1996 г. – Минск : Беларусь, 1997.
2. Алексеев, А. А. Должна ли прокуратура заниматься предупреждением преступлений? / А. А. Алексеев // Москва. – 2008. – № 3.
3. Прокурорский надзор / Ю. Е. Винокуров [и др.] ; под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. – М. : Высш. образование, 2005. – 460 с.
4. Прокурорский надзор в Российской Федерации / под ред. В. И. Рохлина. – СПб. : С.-Петербур. ин-т экспертов : Сентябрь, 2000. – 323 с.
5. Прокурорский надзор за соблюдением законов о несовершеннолетних / под общ. ред. В. И. Рохлина. – 2-е изд., испр. – СПб., 2005. – 220 с.
6. Воеводина, Т. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних : монография / Т. Г. Воеводина ; МЦНП «Новая наука». – Петрозаводск, 2019. – 101 с.

7. Винокуров, А. Ю. Методологические основы оценки эффективности деятельности органов прокуратуры : науч. докл. – М. : Изд-во МосГУ, 2008.

8. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

К содержанию

УДК 343

А. С. ФРОЛИКОВ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. М. Храмов, канд. юрид. наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ И ПРОВЕРКЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ

Эффективное раскрытие и расследование любого преступления, являясь ретроспективным и познавательным процессом, представляет собой осуществляемое посредством применения частной гипотезы или криминалистической версии исследование произошедших ранее событий, логическое обращение к случившимся фактам, к событиям прошлого.

Следственная версия – своеобразная цепочка размышлений, основой построения которой являются как уже известные факты, так и предположения, выдвигаемые на основании имеющейся в распоряжении следователя информации. Понятию, приемам построения и проверки следственных версий криминалистами уделено значительное внимание. Традиционно определение версии представляется в виде «...обоснованного предположения о факте, явлении или группе фактов, явлений, имеющих или могущих иметь значение для дела» [1, с. 460]. Версия направлена на объяснение происхождения явлений, их содержание и связь между собой.

Построение следственной версии осуществляется в несколько этапов. Первый этап характеризуется накоплением той информации, которая подлежит осмыслению и на основе которой версии и будут строиться. Чем больше объем данной информации, чем быстрее и с наибольшей вероятностью определяется картина произошедшего преступления.

Если первым этапом является накопление информации, то вторым этапом становится оценка информации и обнаружение внутренних связей между всеми известными фактами. Следует отметить, что между этими этапами нет четкой границы, так как следователь должен постоянно сопо-

ставлять полученную информацию с уже известной ранее и при необходимости оперативно реагировать на пробелы в знании фактов о преступлении.

С. В. Дубровин, кроме указанных выше, выделяет стадию сравнительной оценки, на которой происходит распределение, объединение и упорядочивание элементов полученной информации в соответствующие группы, предлагая при этом объединить стадии накопления информации и аналитическую «по содержанию и направленности в один целостный этап установления отдельных элементов криминалистического прогноза или криминалистической версии» [2, с. 57].

Следующим этапом является этап формулировки версий, предопределяющий умение выводить из них следствия, подлежащие проверке.

Расследование любого события может быть успешным только в том случае, когда выдвинуты и проверены все возможные версии случившегося. В научной литературе существует несколько определений понятия «криминалистическая версия». Однако их отличие состоит лишь в используемых формулировках, раскрывающих содержательную сущность анализируемого понятия.

Так, с точки зрения В. С. Михайлова, криминалистическая версия – это «мотивированное предположение о явлении, факте или группе фактов (явлений), имеющих значения для дела. С помощью криминалистической версии устанавливаются различные факты, которые объясняют происходящее, а также истина по делу» [3, с. 223].

Н. И. Ревенко полагает, что криминалистическая версия представляет собой «основанное на материалах уголовного дела предположение следователя о характере расследуемого события, мотивах, в силу которых оно совершено, и лицах, которые могли совершить преступление» [4, с. 38].

В свою очередь, В. И. Паршиков приходит к выводу, что под криминалистической версией следует понимать «обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для установления истины по делу, указывающее на наличие и объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой» [5, с. 154].

Способы проверки версий могут быть разнообразными, однако, как правило, данная деятельность осуществляется посредством производства следственных действий.

Одним из способов проверки является мыслительная деятельность следователя, которая получила название «мысленный эксперимент» – построение мысленной модели действий с реальными объектами. Несмотря на то что данный способ не получил широкого освещения в научной литературе и не стал популярным среди практических работников следственных органов, фактически он используется при проверке каждой версии,

просто многие следователи не предполагают, что, представляя произошедшее событие, они тем самым проводят мысленный эксперимент.

Большинство исследователей под мысленным экспериментом понимают метод моделирования, при этом определение модели в рассматриваемом аспекте было дано еще советскими учеными. Так, В. А. Штофф предлагает рассматривать модель как мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна заменить его так, что ее изучение даст новую информацию об этом объекте [6, с. 97].

Следует обратить внимание на то, что в науке отсутствует единое понимание соотношения версии и модели. Так, некоторые ученые отождествляют данные категории [7, с. 110], другие полагают, что это разноплановые понятия. Так, к примеру, А. Р. Ратинов утверждает, что модель является гораздо более широким понятием, чем версия [8, с. 128].

Т. С. Волчецкая, разделяя позицию предыдущего автора, отмечает, что версия представляет собой одно из средств познания и строится на основе имеющихся фактов, после проверки которых она либо подтверждается, либо опровергается, а затем перестает существовать как версия; модель же после ее проверки и проведения мысленных экспериментов не исчезает, а дополняется новым знанием [9, с. 25].

Мысленная модель складывается из психических мысленных образов, в основе которых лежат представления – «наглядный чувственный образ предметов и ситуаций действительности, сопровождающийся чувством отсутствия того, что представляется» [10, с. 334].

Понятие моделирования преступления, т. е. фактически мысленного эксперимента, гораздо шире понятия версии, поскольку мысленный эксперимент одновременно может выступать и основой для выдвижения той или иной версии, и способом проверки уже существующей гипотезы. В мысленном следственном эксперименте важное место отводится не только фактам, которые уже установлены и подлежат проверке, но и воображению следователя, порой предлагающему множественные варианты обоснования того, каким образом могли происходить те или иные события.

В деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений дивергенция обеспечивает рациональное применение правовых инструментов. Конечно, данное положение может привести к усложнению в нашем случае криминалистических элементов расследования преступлений, к которым относим вопрос выдвижения и проверки следственных версий. Тем не менее реальная практическая ситуация показывает, что дивергентные и конвергентные процедуры, а следовательно, способы применения данных сущностей в криминалистических целях обеспечивают стабильное и уверенное разрешение уголовных дел [11, с. 373].

Проявление дивергенции и конвергенции в криминалистике затрагивает как процесс слепообразования, информационной фиксации, так и процесс работы по выявлению следов, относимой информации, фактических данных, т. е. процесс доказывания и формирования доказательств по уголовному делу. Наибольшее время при раскрытии и расследовании преступлений уходит на живые, динамично развивающиеся и изменчивые действия. Это касается вопросов криминалистической техники, тактики проведения отдельных следственных действий, оперативно-тактических и криминалистических мероприятий. Дивергентное и конвергентное понимание криминалистических процессов позволяет верно и последовательно определить организацию и планирование расследования преступлений. Дивергентно-конвергентный анализ позволяет совместить имеющиеся криминалистические инструменты для организации работы по информации о происшествии. Так, использование средств и приемов юридической техники вкуче с требованиями руководящих и нормативных правовых актов предполагает обеспечение расследования преступлений качественными средствами фиксации (протоколы, акты, справки специалиста, заключение эксперта и т. п.).

В данной связи особое значение занимает возможность внутренней организации расследования, эффективное и допустимое использование тактических приемов. Если в судебном разбирательстве основное внимание (в рамках реализации принципа законности и использования дивергентно-конвергентного метода) уделяется розыску носителей информации, то на предварительном расследовании первоочередное значение имеет сбор доказательственной информации.

В результате нашего исследования важно определить, что дивергентно-конвергентный подход к выдвижению и проверке версий позволяет экономить силы и средства при расследовании преступлений, а также своевременно, эффективно и с минимальными затратами достигать максимально возможного результата. Полагаем, что основы дивергентного и конвергентного подхода к решению криминалистических задач позволят обеспечить эффективную деятельность следователя как в работе по выдвижению и проверке версий, так и в проведении иных мероприятий. Таким образом, расследование любого события может быть успешным только в том случае, когда выдвинуты и проверены все возможные версии случившегося.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова, Т. В. Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2017. – 944 с.

2. Дубровин, С. В. Структура, содержание и принципы построения криминалистических версий / С. В. Дубровин // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2015. – № 4 (22). – С. 57–60.

3. Михайлов, В. С. Определение понятия криминалистической версии и ее значение / В. С. Михайлов // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2016. – С. 223–237.

4. Ревенко, Н. И. Этапы построения криминалистических версий / Н. И. Ревенко // Законодательство и практика. – 2015. – № 1. – С. 36–47.

5. Паршиков, В. И. Криминалистическая версия: используемые значения и место в системе гипотез / В. И. Паршиков // Библиотека криминалиста : науч. журн. – 2016. – № 4 (27). – С. 151–164.

6. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – Л., 1966. – 302 с.

7. Селиванов, Н. А. Советская криминалистика: теоретические проблемы / Н. А. Селиванов. – М., 1978. – 192 с.

8. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей : учеб. пособие / А. Р. Ратинов. – М., 1967. – 212 с.

9. Волчецкая, Т. С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике : учеб. пособие / Т. С. Волчецкая. – Калининград, 2017. – 95 с.

10. Винберг, А. И. Криминалистика : учебник / А. И. Винберг, Б. М. Шавер. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 200 с.

11. Ивин, А. А. Философия : энцикл. слов. / А. А. Ивин. – М. : Гардарики, 2014. – 1711 с.

К содержанию

УДК 343

А. Е. ХОДОКОВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. В. Романюк, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

Допрос – это наиболее частое следственное действие. Как показывают исследования, в среднем около 66 % протокольных материалов уголовных дел составляют протоколы допросов [1, с. 11–12]. Следователи тратят на допросы около 25 % своего рабочего времени. Объясняется это высокой

информативностью каждого отдельного допроса, его гносеологической ценностью.

Сущность допроса состоит в получении от допрашиваемого показаний при помощи приемов криминалистической тактики, разработанных на основе обобщения следственной и судебной практики. Таким образом, допрос можно определить как следственное и судебное действие, направленное на получение органом расследования или судом от допрашиваемого сведений, имеющих или могущих иметь значение для правильного разрешения уголовного дела, в соответствии с правилами, установленными процессуальным законом.

Главная задача допроса – получение от допрашиваемого достоверных, полных и объективных показаний. Вызывает интерес мнение В. Печерского, который указывает: «Задача допроса не только получение информации, имеющей значение для дальнейшего судебного разбирательства. Здесь обнаруживается еще одна процессуальная и тактическая задача: содержание протокола допроса на предварительном следствии рассматривается в качестве своеобразной “привязки” допрашиваемого лица к даваемым показаниям. Образно говоря, показания, полученные в ходе предварительного расследования, представляются как репетиционный вариант выступления в суде, который затем в суде проверяется и не терпит никаких отступлений, причем не только со стороны государственного обвинителя, но и суда» [2, с. 70].

При допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей большую роль играет профессионализм допрашивающего. Необходимо оказать помощь процессу извлечения информации из памяти ребенка, учитывая, что в данной ситуации именно он обладает всей информацией о произошедшем. Важно проявлять терпение, хвалить ребенка за усилия, выражать дружелюбие и поддержку, устанавливая с ним психологический контакт.

Следует обращать внимание на ряд отличий, присущих несовершеннолетним: повышенная внушаемость, эмоциональность действий и суждений, меньший объем жизненного опыта и знаний, склонность к смешению реальных обстоятельств события и воображаемых, слабая способность к сосредоточению вниманию, меньшее развитие аналитических навыков и критического мышления при восприятии и оценке воспринятого, склонность к фантазированию.

При определении тактики и методики допроса следователю необходимо учитывать и особенности, характерные для определенных возрастных категорий, так как психологические особенности несовершеннолетних связаны прежде всего с их возрастом. В законе нет четкого определения возраста, при достижении которого потерпевший и свидетель могут быть допрошены, а потому возможность допроса определяется их способностью давать правильные и достоверные показания.

В данной статье будут рассмотрены возрастные категории, предложенные методическими рекомендациями Следственного комитета Республики Беларусь.

1. Дети дошкольного возраста – 3–5 лет.

Дети этой категории способны определить и сообщить свое имя, возраст, некоторых членов своей семьи, кто и где трогал их, равно как и кто и где причинил им боль, где они находились во время причинения им боли. Также дети дошкольного возраста могут рассказать, единожды ли произошел эпизод, наглядно описать части тела в соответствии со своим возрастом. Допросы детей этого возраста желательно проводить в форме игры, использовать игрушки, поскольку ребенок, не зная каких-либо частей тела, сможет показать это на примере куклы. Важно не забывать, что дети в таком возрасте не умеют разбираться в причинно-следственных связях, о событиях их сознание получает не целостную картину, а ее наиболее эмоционально значимые фрагменты.

2. Дети младшего школьного возраста – 6–11 лет.

Дети этой категории способны определить и сообщить все то же, что и дети дошкольного возраста. Однако к вышеуказанному стоит добавить, что для этой категории не возникает сложностей с указанием полного имени и возраста всех членов семьи, цветов, названия всех частей тела. По существу дела, как правило, могут пояснить свое состояние и поведение на момент совершения в их отношении правонарушения, больше деталей по событию, частоту и количество эпизодов, свой возраст на момент совершения и окончания насилия. Некоторые сложности у детей могут возникнуть в определении и понимании точной хронологии событий, связанных с насилием, соотношения времени, скорости и продолжительности. В практике встречается ошибочно появляющееся у ребенка чувство вины за совершение насилия против него, а также ответственность за эмоции и реакции близких родственников.

3. Подростки – 12–17 лет.

У подростков обычно хорошо прослеживается критическое и оценочное мышление, наличие опыта общения и взаимодействия с людьми, самостоятельность в каких-либо действиях, самосознание [3]. Подросткам характерно несколько ошибочное восприятие ценностей и каких-либо нравственных и моральных норм. Нередко встречаются случаи, когда на мнение несовершеннолетних большое влияние оказывает давление окружающих. Стремление казаться «лучше остальных», боязнь оценки сверстников, желание быть признанным среди товарищей может приводить к даче неправильных показаний.

При производстве допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей любой из рассмотренных возрастных групп следователю необхо-

димо объяснять ребенку свое желание ему помочь и понять его, проявлять дружественное отношение, терпеливо выслушивать его ответы, не перебивая и не оказывая давления. Важно дать понять допрашиваемому, что за его ответы не последует никакой негативной реакции, поскольку дети часто боятся разозлить взрослых. Нужно стараться избежать стеснения и смущения ребенка, объяснить ему, что он всегда может сообщить, если ему неловко говорить о чем-либо.

Проведение следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей – тонкий и требующий тщательной подготовки процесс. Необходимо исключить случаи необоснованного и неоднократного производства одних и тех же следственных действий с детьми. При необходимости проведения нескольких допросов желательно, чтобы они проводились одним и тем же лицом. И именно поэтому очень важно правильно организовать процесс подготовки.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что тактические приемы при проведении данного следственного действия требуют тщательной подготовки, профессионализма, особой внимательности. При работе с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями важно учитывать психологические особенности каждого ребенка, находить индивидуальный подход. Все действия, проводящиеся с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, должны проводиться исключительно в их интересах. Следует отметить, что качество и результат допроса в первую очередь зависят от следователя, от степени его компетентности в области детской и подростковой психологии, умения находить общий язык с несовершеннолетними, подготовки к производству следственных действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мытник, П. В. Следственные действия : лекция / П. В. Мытник. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 135 с.
2. Печерский, В. В. Проблемные аспекты допроса на предварительном следствии и в судебном разбирательстве / В. В. Печерский // Юстиция Беларуси. – 2010. – № 5. – С. 45–49.
3. Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия [Электронный ресурс]. – СПб. : С.-Петербург. обществ. орг. «Врачи детям», 2014. – 66 с. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/6707697/>. – Дата доступа: 28.02.2022.

К содержанию

УДК 342.5

Д. А. ШИНКАРУК

Минск, БГЭУ

Научный руководитель – О. А. Антонова, канд. юрид. наук, доцент

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

В настоящее время информационные технологии стали частью повседневной жизни каждого человека. Мы постоянно используем сеть Интернет, чтобы проверить свою электронную почту, посмотреть интересный фильм, оплатить коммунальные платежи, совершить покупку в интернет-магазине и т. д. Цифровые технологии стремительно внедряются во все сферы жизни общества.

Не остается без внимания цифровизации и юриспруденция. Так, справедливо, на наш взгляд, отмечает В. В. Хилюта, что «не осталось в стороне от этого процесса и право, которое должно регулировать новые и уже вполне сложившиеся отношения в стремительно меняющемся обществе. Глобальная цифровизация общественных отношений выдвигает на повестку дня проблему реформирования права и подстраивания именно права под электронные технологии» [1, с. 30]. В этой связи отметим, что стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни является положительным шагом, поскольку цифровые процессы существенно облегчают деятельность человека.

Вместе с тем не стоит забывать и о том, что Интернет может выступать средством совершения различных преступлений. Белорусский ученый Т. Г. Хатеневич утверждает, что «интернет как всемирная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации может быть средством совершения многих видов преступлений против детей, а также распространения “вредной информации” среди подрастающего поколения» [2, с. 40].

Справедливой представляется и точка зрения белорусского ученого в области криминалистики А. М. Хлуса, который полагает, что «информационная среда – это “поле” для реализации различных технологий манипулирования сознанием пользователей информацией» [3, с. 68]. Следовательно, такое развитие общественных отношений требует должного правового регулирования. Причем не просто правовых норм, адаптированных под цифровые общественные отношения, а должного надзора за исполнением таких норм.

В последнее время в белорусской юридической литературе весьма мало научных публикаций, посвященных прокурорскому надзору, тем

более надзору за точным и единообразным исполнением законов в области защиты персональных данных граждан от противоправных посягательств. Это объясняется неизученностью и отсутствием научных разработок по данной тематике. Сказанное свидетельствует об актуальности данного исследования.

Среди представителей российской юридической науки следует отметить труды таких ученых-юристов, как В. С. Сердюкова и П. Н. Малин, А. В. Паламарчук и др. Что касается правовой основы охраны персональных данных граждан и юридических лиц, то в нашей республике к таким нормативным правовым актам можно отнести в первую очередь Конституцию Республики Беларусь (далее – Конституция), Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З. Кроме того, к числу нормативных правовых актов, защищающих персональные данные граждан от противоправных посягательств, относятся и кодифицированные акты, например Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь).

В соответствии со ст. 28 Конституции каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство [4].

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 г. № 220-З (далее – Закон № 220-З), прокуратура осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь [5].

Как полагают В. С. Сердюкова и П. Н. Малин, «в соответствии с п. 1 ст. 23 Закона о защите персональных данных и п. 1 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г., специализированным органом по защите прав субъектов персональных данных является Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций (Роскомнадзор)» [6]. Как видим, в Российской Федерации существует специализированный орган по защите персональных данных – Роскомнадзор.

В Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З отсутствует наименование специализированного органа по защите прав субъектов персональных данных. На наш взгляд, это является правовым пробелом.

Главой государства Республики Беларусь 28 октября 2021 г. был подписан Указ № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных» (далее – Указ). В соответствии с этим Указом в нашей республике создается специальный орган, который осуществляет защиту прав

субъектов персональных данных – Национальный центр защиты персональных данных. К данному Указу прилагается Положение, в котором прописаны полномочия упомянутого органа.

В соответствии с п. 7 Указа Национальный центр защиты персональных данных осуществляет ряд функций. В частности, данный центр осуществляет контроль за обработкой персональных данных уполномоченными операторами, рассматривает жалобы субъектов персональных данных по вопросам обработки персональных данных, выдает разрешения на трансграничную передачу персональных данных и др.

Для надлежащего обеспечения прокурорского надзора прокурорам требуется наличие знаний не только в области уголовного, гражданского права, но и в сфере информационного права. В этой связи возникает справедливый вопрос о том, какой орган должен осуществлять подготовку прокурорских работников по защите субъектов персональных данных – Национальный центр защиты персональных данных или Институт повышения квалификации судей, прокурорских работников и учреждений юстиции при Белорусском государственном университете?

Кроме того, в силу многоплановости форм и видов персональных данных, которые находятся в виртуальной среде, достаточно сложно определить конкретный предмет прокурорского надзора в этой сфере. Ведь не только действия и акты Национального центра по защите персональных данных подлежат проверке со стороны прокуроров. Каждый государственный орган управления, финансовая организация, суды в конкретных ситуациях имеют доступ к личным данным граждан, а значит, их акты также будут относиться к предмету надзора.

Таким образом, в Законе № 220-3 ст. 4 следует дополнить следующими словами: «Надзор за соблюдением закона по защите субъектов персональных данных». Кроме того, в ближайшее время стоит решить вопрос о том, какой орган должен осуществлять подготовку прокурорских работников по вопросу защиты субъектов персональных данных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хилюта, В. В. Цифровое переформатирование уголовного права / В. В. Хилюта // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 2. – С. 30–34.
2. Хатеневич, Т. Г. Совершенствование средств уголовно-правовой охраны прав ребенка в условиях цифровизации общественных отношений / Т. Г. Хатеневич // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 9. – С. 40–45.
3. Хлус, А. М. Проблемные аспекты совершенствования криминалистической характеристики мошенничества / А. М. Хлус // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 9. – С. 70–74.

4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – 64 с.

5. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 г. № 63-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. Сердюкова, В. С. Прокурорский надзор за соблюдением персональных данных граждан в сети Интернет [Электронный ресурс] / В. С. Сердюкова, П. Н. Малин // ScienceTime. – 2017. – № 3. – С. 391–394.

К содержанию

УДК 343

Н. Ю. ШКЛЁДА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. В. Романюк, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК НОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В системе мер по обеспечению уголовного производства введение меры пресечения занимает особо важное место. С их помощью осуществляется надлежащее проведение предварительного расследования и судебного разбирательства, предусмотренное законом, защита личности, общества и государства от преступлений и выполнение других задач в уголовном процессе. Смотря на то, как законодатель с помощью уголовно-процессуального закона определил баланс интересов государства и личности, регламентируя цели, основания и порядок применения данных мер процессуального принуждения, можно судить о степени свободы в государстве и заботе о правах человека в нем.

Так, Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов об уголовной ответственности» были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь), в том числе с 14 апреля 2021 г. введена новая мера пресечения, предусмотренная ст. 123-1 УПК Республики Беларусь «Запрет определенных действий».

Порядок применения такой меры пресечения, как запрет определенных действий, изложен в ст. 123-1 УПК Республики Беларусь со ссылкой на ст. 119 УПК Республики Беларусь. Исходя из положений уголовно-

процессуального законодательства, запрет определенных действий состоит в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанности соблюдать один или несколько запретов, которые предусмотрены в ч. 3 ст. 123-1 УПК Республики Беларусь, и осуществлении контроля правоприменителем за соблюдением советов.

Рассмотрим каждый из запретов.

- Запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них [1].

Целью данного запрета является ограничение возможности произвольного перемещения подозреваемого (обвиняемого) в пространстве с целью предотвращения совершения им новых преступлений, иных противоправных деяний, воздействия на участников уголовного процесса, место жительства и работы которых ему известны. Кроме того, данный запрет применяется для предотвращения присутствия подозреваемого (обвиняемого) в местах, где могут быть созданы условия для его противоправного и аморального поведения.

- Запрет пребывать в общем с потерпевшим жилком помещении и распоряжаться общей совместной собственностью [1].

Согласно уголовно-процессуальному законодательству, на подозреваемого (обвиняемого) может быть наложен запрет в рамках расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении членов его семьи.

- Запрет общаться с определенными лицами [1].

Поскольку в ст. 123-1 УПК Республики Беларусь не дается расшифровка «иных лиц», можно полагать, что законодатель подразумевает участников уголовного процесса, интересы которых противоречат интересам подозреваемого (обвиняемого).

- Запрет получать и отправлять почтово-телеграфные отправления [1].

- Запрет использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет [1].

Однако в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством данный запрет не является абсолютным, поскольку законодатель указал в ч. 6 ст. 123-1 УПК Республики Беларусь в качестве исключения возможность осуществления вызова экстренных служб.

- Запрет управлять транспортным средством [1].

Указанный запрет применяется к подозреваемому (обвиняемому), которому приписывается совершение преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и (или) эксплуатации транспортных средств. Суть данной меры не в лишении права управления автомобилем

и отзыве водительских прав, а в запрете на управление транспортным средством независимо от наличия или отсутствия водительских прав.

Введение новой меры пресечения и реализация указанных предложений требуют разработки новых нормативных правовых актов либо внесения изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 апреля 2015 г. № 298 «Об определении перечня электронных средств контроля» и постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 17 апреля 2015 г. № 114 «Об утверждении Инструкции о порядке применения, ношения и обслуживания электронных средств контроля за подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого была применена мера пресечения в виде домашнего ареста», в которых в настоящее время отсутствуют сведения о запрете определенных действий и порядке осуществления контроля за отдельными запретами [2, с. 101].

Вместе с тем анализ содержания ст. 123-1 УПК Республики Беларусь показал, что положения, регламентирующие контроль за исполнением подозреваемыми (обвиняемыми) устанавливаемых запретов, нуждаются в совершенствовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН ONLINE. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа: 10.11.2021.

2. Коврижкин, А. И. Запрет определенных действий – новая мера пресечения / А. И. Коврижкин, Т. Л. Щерба // ПРАВО.by. – 2021. – № 4. – С. 99–104.

К содержанию